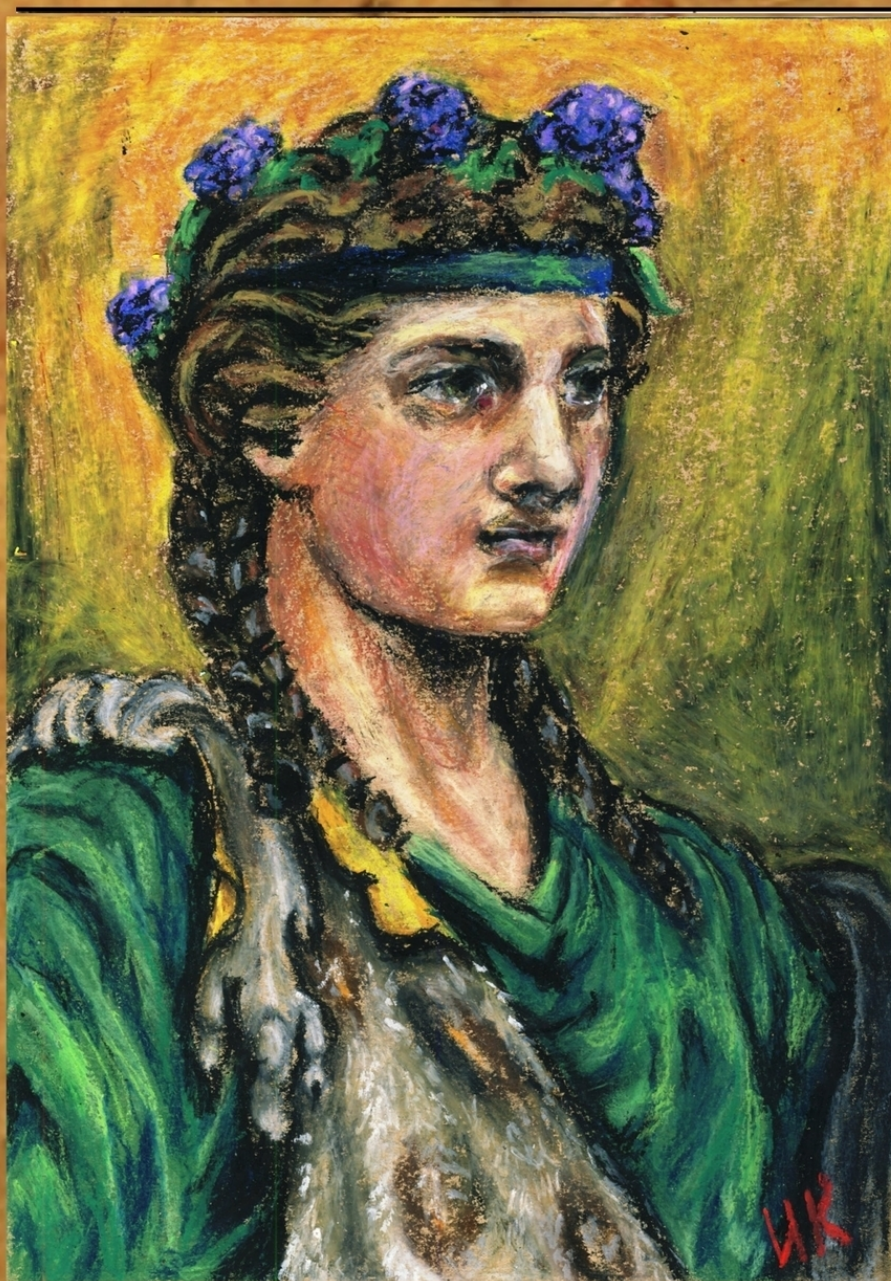

И. Кашкадамова

запах трав

16+

Песнь виноградной лозы

Ирина Кашкадамова

**Песнь виноградной
лозы. Запах трав**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Кашкадамова И. Н.

Песнь виноградной лозы. Запах трав / И. Н. Кашкадамова —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-07802-4

Эллада находится на грани уничтожения. Дахи, скифы и другие племена под предводительством Ахеменидов завоевали государства, находящиеся на этой эллинской территории. Маленькая Македония стонет под игом захватчиков. Молодые македонцы ведут борьбу против отравителей и зороастрийской магии. К ним присоединяется царевич Ясон, молодой жрец Вакха. Вместе они расследуют заговор предателей, чтобы Македония смогла создать ноу-хау — тяжелую конницу. Ввязавшись в тайны македонского двора, ребята рискуют собственной жизнью. Обложка и иллюстрации авторские (И.Кашкадамова).

ISBN 978-5-532-07802-4

© Кашкадамова И. Н., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Александр Македонский – Пять стихий	5
Лексикон	7
Пролог	15
1 глава	29
2 глава	43
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Александр Македонский – Пять стихий

СВИТОК ПЕРВЫЙ.

ЗАПАХ ТРАВ

*Здесь процветает копье, и юность, и звонкая песня,
И не умытая правда, вершители славных деяний. Терпандр.*

Огромное спасибо за помощь в создании книги Сергею Семенову, который как гоплит, принял на себя удары моих окончаний и склонения глаголов. Спасибо Евгению Войдакову за консультации по подводным аппаратам и пещерам.

Лексикон

Акинак кривая короткая сабля, распространенная кроме скифов у персов и мидян, это сакральное оружие,

Александрос – Ἀλέξω – «защищаю», Ἀνδρός – «мужчина», «человек»; «Защитник людей». Правитель воин командующий территориальной армией.

Алоиды – Во время гигантомахии Алоиды От и Эфиальт взяли в плен Эниалия, бога войны. Заточили его в амфору, тем самым лишив возможности нападать вместе с Олимпийцами на гигантов.

Алора – Город Македонии недалеко от Метоны и Пидны

Аойда – муза песни.

Аоры – волшебные мечи, божественные. широкий, мощный, прямой клинок.. пламенные кровавые.

Аристотель переводится как Самый Лучший

Артаксéркс III (*Артахиасса*, что означает «Владеющий праведным царством») – правитель ахеменидов с 359-338 гг до н.э. Артоксеркс Ох правил в 359-338 годах до н. э., из династии Ахеменидов.

Атта, Агтал Ἀττα – отец, батюшка, обращение к старшим по возрасту.

Ахемениды, династия правителей древнеперсидской державы.

Басилéвс (βασιλεύς;) – правитель, жреческая должность, территориальная.

Башлык (наголовник) – суконный остроконечный капюшон, надеваемый в непогоду поверх какого-либо головного убора для предохранения «от холода, дождя и солнечного зноя». Имеет длинные концы-лопасти для обматывания вокруг шеи.

Борéй (Βορέας «северный») олицетворение северного бурного ветра.

В Новогодний праздник, проходивший в Македонии в начале осени, Вакх и Пан разносили детям подарки.

Важенка – самка оленя.

Ванские – ионийские земли, бывшая территория Урарту.

Ваны – Ионийцы или ионяне (Ἴωνες) народы заселявшие не только Балканы от Аттики, но и Малую Азию.

Ваша – победа, барсий клич.

Гастерофет – эллинский арбалет, являющийся наряду с китайским арбалетом одной из первых попыток механизации метательного оружия.

Гимάтий ἱμάτιον, ткань; накидка верхняя одежда в виде прямоугольного куска ткани; надевался обычно поверх хитона.

Гоплѣт (οπλίτης) – тяжёловооружённый пеший воин. Слово происходит от названия тяжёлого круглого щита – гоплон οπλον.

Грызло – Железная часть удила, вкладываемая в рот лошади поверх языка.

Джезва – большая, джезвочка – маленькая, принцип современных турок для варки кофе, Напиток, похожий на кофе, делался из желудей.

Диди – обращение к старшему в Моских горах.

Донос – документ, донесённый до адресата не автором, а посредником.

Микитра – женщина, с которой отношения. Из словаря переданного Фифе старшим братом, для общения с клиентурой.

Ила (Ἴλη) – основная тактическая единица конницы в македонской армии.

Калос καλῶς – красиво, прекрасно, изящно.

Кария, Киликия и земли Фригийские – Малая Азия, территория современной Турции.

Килик – плоская чаша для вина, с ручками и ножкой.

Кинайдос – ругательство, шавка, низшей иерархии в собачей стае. Впоследствии стало обозначать пассивного гомосексуалиста.

Копѣс (κοπίς) – разновидность холодного оружия с односторонней заточкой по внутренней грани лезвия, предназначенное в первую очередь для рубящих ударов. κόπτω означает «рубить, отсекай».

Короне – ругательство, ворона, употребляется и как положительное пожелание долгих лет, и как отрицательное из разряда чёрт.

Крокотидон κροκωτίδιον – плащ шафранного цвета

Ксенократ – чужеземный властитель.

Ксифос (ξίφος) – прямой обоюдоострый меч длиной около 60 см. Остриё ярко выраженное, клинок листообразный.

Лабис λαβίς металлическая застёжка для одежды, одновременно служившая украшением.

Лисимах – λυσι – освобождённый, высвобожденный; μάχη- бой, сражение, битва

Локоть – 40 см.

Маргит – дурак, недоумок.

Мелеа́гр (Μελέαγρος) —Центральный персонаж Калидонской охоты. После тяжелой облавы, в ходе которой вепрь смертельно ранил многих героев, удалось поразить его стрелой, а затем обессиленного вепря добил своим копьем Мелеагр.

Мелета – муза опытности.

Мелухха «солнечный луч» – западная Индия.

Митра (μίτρα «пояс, повязка») – головной убор, украшает священнослужителя, распространена у мидийских магов.

Мнема – муза памяти.

Наварх (ναύαρχος) – изначально начальник корабля, позднее командующий флотом

Наяды (Νηϊάδες, Ναΐδες, Ναϊάδες) – хранительницы рек, ручьёв и озёр.

Оббол (οβολός) – название монеты и единицы веса. Единица веса (массы), равная примерно 0,65 грамма, а также серебряная, затем медная монета, равная 1/6 драхмы. Драхма 6,24 г в серебре.

Онексикрит – Третьейский судья.

Охреман – Эллинское произнесение зороастрийского Ахуры-Мазды.

Палладий (παλλάδιον) – священная статуя-оберег. Являлась святыней и талисманом города, в котором хранилась.

Пеласги, Πελασγοί – имя, которым авторы именовали народ (или всю совокупность народов), населявших Балканы и Малую Азию до возникновения до прихода ахейцев и эллинской культуры. К ним относились лелеги, моски, кавки, калевы, они населяли Фессалию, Эпир, Македонию, Фракию.

Пелигон совет старейшин в полисах преимущественно аристократического устройства; рассматривал важные государственные дела, подлежавшие затем обсуждению в народном собрании.

Пеплос, пеплон или пеплум (πέπλος, πέπλον, лат. perlum – букв. «покрыв»)– женская верхняя одежда из легкой ткани в складках, без рукавов, надевавшаяся поверх хитона

Пётас (πέτασος) – шляпа для защиты от солнца с широкими и гибкими полями

Пилос – технологичный в производстве древнегреческий шлем для легковооруженной пехоты. Полуконическая закругленная бронзовая шапка.

Пирей (Πειραιάς) – город в Аттике, на Эгейском море.

пирра Та-Кемет – близкое к базилевсу, в то время как пирр-а эллинами назывался фараоном.

Пифия (Πυθία) – жрица-прорицательница в Дельфийском храме Аполлона, что на склонах Парнаса.

Порпи πορπη – головная шпилька, пряжка для волос, застежка, пряжка, булавка. Именно ей закалывали гиматии.

Продрама – конная разведка боем, имела лёгкое вооружение, это лёгкая кавалерия. Возможно, что кроме дротиков они были вооружены луками, на случай отступления при попадании в засаду.

Птеруги (птериги) – «перья»; вид доспехов воина, кожаные полосы, крепившиеся к панцирю и прикрывавшие плечи. Защитные свойства птеруг были весьма сомнительными, но был показателем воинского звания.

Радостно – жаргонное от хайре, эквивалент нынешнему клёво.

Радуйтесь χαίρε – приветствие.

Сагарис (σαγῆρις) – персидский скифский боевой топор, скифский по происхождению.

Сагос солдатский плащ. Обыкновенно сагос – солдатский плащ, закреплялся на плече, но бывали исключения. Он изготовлялся из шерсти.

Сатрап хранитель царства; – глава сатрапии, правитель при ахеменидах. Назначался правителями обычно принадлежал к его родне или высшей знати. На своей территории ведал сбором налогов, содержанием армии, был верховным судьёй и имел право чеканить монету.

Сатрапия – административная единица – военно-административный округ (провинция) в государстве ахеменидов, возглавлявшаяся сатрапом.

Сисур σίσυρα – σίσυρα тулуп, овчина или козья шкура, в Македонии носилась зимой.

Тагос или **таг** (ταγός, ταγής «предводитель, вожь») – верховный вожь Фессалии. Он выбирался пожизненно из аристократических родов, управлявших Фессалией, ему принадлежала верховная военная власть подобно македонскому александру.

Та-Кемет – Египет самоназвание Та-кемет, Та-мери, Та-уи. Та-кемет, то есть «Чёрная земля»

Тиранн τύραννος лицо, насильственно захватившее власть; диктатор.

Тор, Тару – хатское божество больше известно в хетто-лувийской традиции как Тешубом. отождествляется с корело-финским Тааром, скандинавским тором. Тор – древнегреч. Коваль.

Хеник – единица измерения ёмкости, равная 1,08 литра

Хер – $\chi\epsilon\rho\alpha\varsigma$, $\chi\epsilon\rho$ – камни, булыжники, идти на хер – идти под камни.

Хику – чёрное колдовство на смерть, порча сделанная согласно ритуалу.

Хитон ($\chi\iota\tau\acute{o}\nu$, «одежда») – мужская и женская одежда (нижняя); подобие рубашки (льняной или шерстяной), чаще без рукавов.

Хламида ($\chi\lambda\alpha\mu\acute{\iota}\varsigma$) мужская наружная одежда, изготовлявшаяся из шерстяной ткани и отличавшаяся от прямоугольного гиматия меньшими размерами и покроем.

Хлина $\chi\lambda\alpha\acute{\iota}\nu\alpha$ – прямоугольный шерстяной плащ (плед) из плотной ткани, служивший зимней одеждой.

Чюрик – тот, кого обворовывают, лёгкая добыча. Из словаря переданного Фифе старшим братом для общения с клиентурой.

Эгида – защитное изображение.

Эксомис – $\epsilon\acute{\xi}\omega\mu\acute{\iota}\varsigma$ короткий хитон из грубой ткани, заложённый складками на левом плече, который носили рабы и крестьяне, оставлявший открытыми правое плечо и правую руку. Туника – слово латинское, аналог эксомис.

Эльф $\epsilon\lambda\theta\omega$ – пришедший, стремительный.

Эмпат $\epsilon\nu\pi\alpha\theta\omicron\varsigma$ – «страсть», «страдание» осознанное сопереживание текущему эмоциональному состоянию другого человека, без потери ощущения внешнего происхождения этого переживания. Диапазон проявления эмпатии варьируется достаточно широко: от лёгкого эмоционального отклика, до полного погружения в мир чувств партнера по общению даже если он на расстоянии.

Этеры – $\epsilon\tau\alpha\acute{\iota}\rho\omicron\iota$, – этеры дружина македонского правителя. Буквальный перевод друзья.

Эфёб ($\epsilon\phi\eta\beta\omicron\varsigma$) – молодёжь из граждан с 16-18 (20) лет, проходящая военную службу, или подготовку к кадровой службе в армии.

Виноградные лозы поднимались из земли. Молодые, зелёные, сильные. Они сплетались в юношескую фигуру.

Небо пылало огнём. Полыхающее зарево захлёстывало всё. И в этом огне, чистым лиловым светом сиял меч.

Рука юноши тянулась к этому мечу, зовущему, одинокому. Прикованному в языках пламени.

Юноша уже почти коснулся светлого лилового лезвия. Пальцы жадно пытались слиться с мечом.

Огромный орёл, расправив крылья, налетел на него. Злобный клёкот звучал в ушах. Страшный клюв был нацелен в сердце. Орёл бил крыльями по глазам. Юноша упорно стремился к мечу. Орёл налетал на него сверху, бил сбоку. Юноша был безоружен, нечем было защищаться. Хищные когти вонзались в спину, раздирая живую плоть. Человек орал от боли, но всё равно тянулся к мечу. Его пальцы коснулись рукояти. Ещё немного, и он надёжно возьмёт оружие и разрубит цепь. Тогда он сможет отбиться от крылатого врага.

И вот меч в руке высоко поднят над головой, пальцы твёрдо сжимают рукоять. Но это уже была рука взрослого человека.

Мужчина в чёрных одеждах, его тёмные, до пояса волосы, развиваются в сполохах пламени. Он сам весь в огне. Глаза пылают праведным гневом. В пламени пылали женщины, они орали. Огонь пожирал их, как разгневанное божество, хтоническое, могучее, подземное. Запах горелого мяса резал ноздри.

Чёрный мужчина с развивающимися волосами вздымал сияющий меч.

– Веруйте! Веруйте в живого Бога! – надтреснувшим властным голосом взывал он. – Живой Бог сошёл к вам! Веруйте!

Чёрные липкие сгустки летели в него, проклятий, ненависти. Виноградные лозы, росли из земли, создавали живой, непроницаемый купол. Магия не могла до него добраться...

Опять этот сон. Мальчишка проснулся, его колотило. Сон преследовал его постоянно здесь, в Мскете, столице Моских гор. Последнее время дома ему было беспокойно, преследовал голос, мальчишеский, чистый, который иногда проходил сквозь сон, и песня эта воспринималась пророчеством:

И СОЛНЦ

ОГОНЬ ОТ

И КРОВ

ЗЕ

И ЛЬДОМ Б

МЫ НЕ

Пролог

Митилены. 344 г. до н.э. От Ясона.

– Куда бы хорошему человеку податься? ... – парень маялся от скуки.

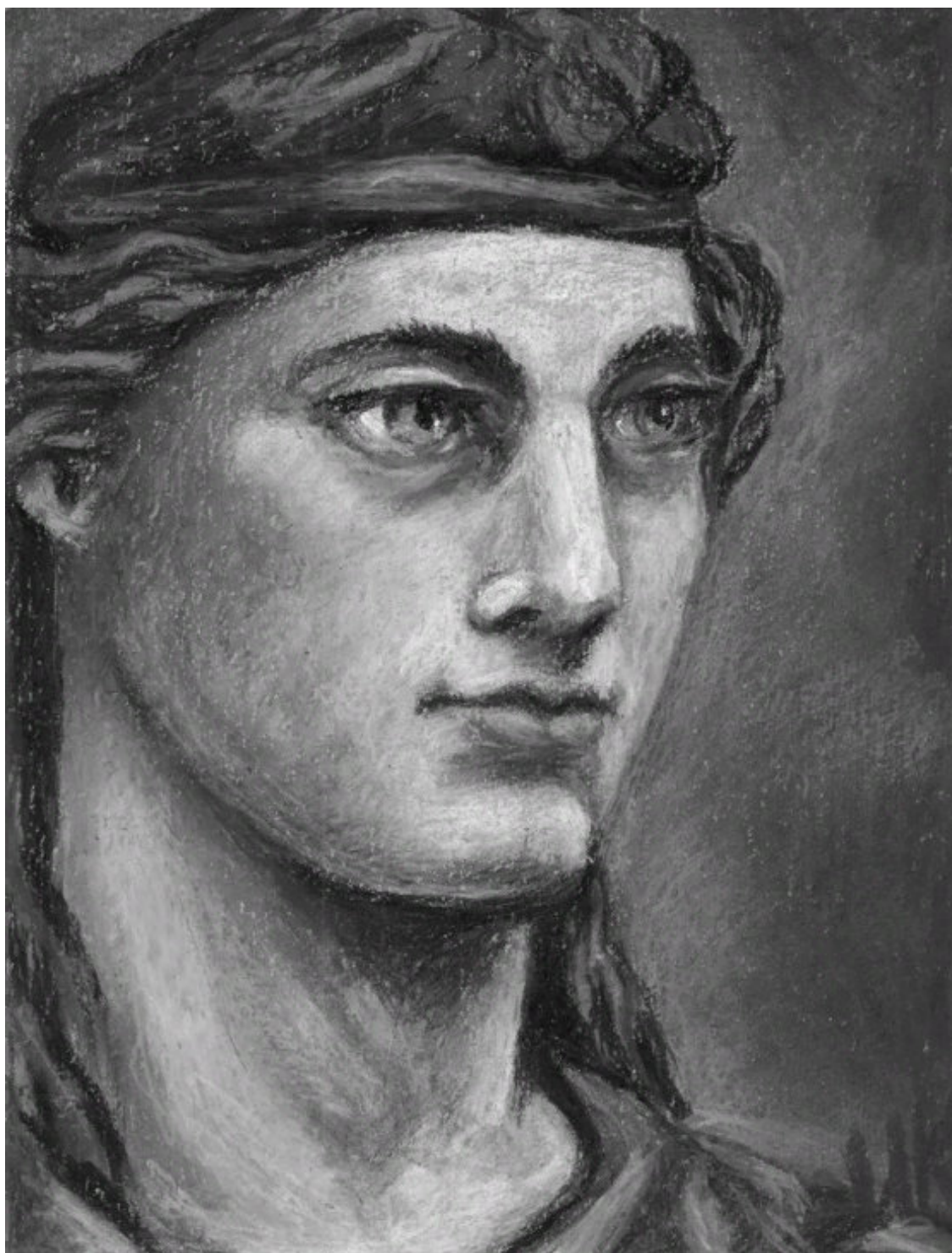
Ясон сидел у костра отряда барсов, отборного подразделения москов, используемых в качестве телохранителей или карательных войск. Вчера они прибыли в Митилены на конкурс певцов. Отец позволил Ясону заявить себя в конкурсе самодеятельной песни. Раз в четыре года, на Лесбосе, в Митиленах устраивалось такое мероприятие для четырнадцатилетних юношей пока у них не стали ломаться голоса. Ему недавно как раз исполнилось четырнадцать. На конкурс съезжались мальчишки со всех ванских земель¹, да и не только ванских: приезжают и эллины, и дорийцы и жители Та-Кемет². И с каждым: родители, друзья, друзья друзей, просто хорошие знакомые... У кого социальный статус повыше, у того есть еще и охрана. Конкурс певцов в Митиленах был всеобщем празднеством, отцы пили вино и общались с друзьями и заключали договора.

Даже торг на время конкурса открывают, где выставляется всевозможное оружие – от простых ножей для ритуальных целей, до колуна по забивке быков, доспехи и амулеты, предохраняющие от оружия, пояса с заговорами, перстни, обереги, всё – что мужской душе угодно.

Женщин сюда не пускают. У них схожий праздник на другой стороне острова, и туда не допускалась мужская половина человечества. Так и делится на время празднества остров по горному хребту на две половины.

Юный моск, скучающий от безделья, палкой ковырялся в углях. Выражение его петушиного цвета глаз было несколько отстранённое, ушедшее в себя. Лицо, подетски пухлое, ещё не приобрело, решительных, даже грубоватых черт, но они уже проступали, намечая будущие рельефы, которые сейчас прятались за отроческим выражением наивности. Пока же, самой выдающейся частью на лице был нос, который уже вырос и приобрёл взрослую форму. Дома, в Моских горах, развлекаясь с братьями, он уже успел его перебить, и теперь, горбоносый профиль делал Ясона сходным с хищной птицей. Небольшой рот, скорее рыбий, чем птичий, обрамляли яркие губы. А вот длинные ресницы, были почти светлые, из-за чего глаза казались немного на выкате.

¹ Ванские – ионийские. Иваны – ионийцы. ² Та-Кемет – Египет

Тёмно-русые волосы мальчишки, длинные, в связи с детским возрастом, были стянуты в тугую косичку, забавно торчащую вверх.

Рядом с ним расположилась его питомица Данка. Кошка была из породы вепьеуров, как называли снежных барсов в Моских горах – солнечный зверь. Данка была совсем ещё молодая, просто годовалым котёнком. Весёлая и ласковая кошечка. Выросшая при дворе московского правителя, в любви и ласке, она мало напоминала своих боевых собратьев, которые с воинами

– проводниками, людьми, служившими в моском отряде барсов, из-за них и получившем своё название.

Барсиха потёрлась боками о хозяйское бедро и уложила голову на ногу юноши, игриво подгребая лапами его сапог, намереваясь подточить об оные когти.

– Данка, не балуй, – парень отдёргнул ногу, почесал хулиганку за ухом. – Тоже не знаешь, чем заняться?

К вечеру братья расползлись куда-то: кто нашёл здесь старых друзей, кто уже завёл новых, а он вынужден сидеть с отцовскими барсами, как велено, и страдать от скуки. Только преданная Данка его понимает... Отец, моский правитель Мерван, на границе лагеря, прямо в самых зарослях, разговаривает с каким-то крупным русоволосым мужиком, богато одетым. И, судя по постоянным взглядам в его сторону, разговор идёт о нём, о Яське.

Мужчина – с ухоженной окладистой бородой и русыми волосами, рассыпанными по плащу и перехваченными обручем. Явно крупный пост занимает. Лицо у него красивое, правильное, даже можно сказать изящное, но при этом мужественное и решительное. Глубоко посаженные глаза умные, насыщенно серого цвета. Взгляд смелый, цепкий, что выдаёт в нём воина, даже стратега, смелого, прямолинейного. Тёмные, соболиные брови хмурились, во время разговора, выражая задумчивость и неодобрение. И отец разговаривает с ним как с равным, значит тоже правитель – решил Ясон.

Мужчины о чём-то договорились, и отец, довольный, пошёл к костру. Русоволосый – в другую сторону. Внезапно он остановился, видимо, что-то вспомнив.

– Мерван! – окликнул он моского правителя, подозвал сопровождающего его юношу в эллинских доспехах, кивком головы. Отец обернулся.

– Давай я тебе Алеся оставлю, он вас до нашего лагеря и доведёт.

– Хорошо, Тор, мы сейчас к вам и нагрянем, там договор и оформим.

Яська, подобно Данке, заводил ушами, напрягая слух. Но мужчины, посчитав, что дело решено, разошлись. Мерван поманил сына за собой и скрылся в своей пещерке, наиболее просторной из предоставленных для всего моского лагеря. Яська метнулся за отцом. Правитель достал из сундука папирус с перечнем сыновей, племянников и других молодых родичей и вычеркнул Яську: понятно, куда-то пристроил... Довольный Мерван убрал свиток.

Ясон вздохнул, значит, домой уже не вернётся. Отец старательно раскидывал своих отпрысков по разным землям, вот и его куда-то сдали.

Это Аминтор, брат эгейского басилевса Филиппа. Он у них титул какой-то древний имеет. У нас когда-то такой был, когда Ванские земли объединены были... Аласандр, вроде. Только по-ихнему они александром² называют. К ним поедешь. Обучение ты закончил, а остальное уж своими мозгами. Сможешь себя показать – честь тебе и хвала, нет – так и останешься бесплатным приложением к барсам, с собой их тебе три сотни даю.

Ясон вздохнул. Аминтор, имя переводилось как добрый коваль, будет ли ему добро в новом месте?

– Мне собираться?

– Вах, подожди, дорогой, не спеши! – Мерван всплеснул руками. – Сегодня к ним сходим, поговорим, посидим... У них как раз жреца Вакха нет. А не мои ли сыновья лучшие виночерпии?

Яська вышел на воздух. С одной стороны, было горько, что всё вот так складывается, а с другой – он же понимал, что дома ничего не светит, слишком много, сыновей у Мервана. Посреди лагеря стоял оставленный Аминтором взрослый парень лет семнадцати – эфеб. Ясон с завистью окинул юношу взглядом: воин, уже служит, вон в каких доспехах ходит... Рыжие

² Командующий территориальной армией.

локоны парня чуть прикрывали шею, цепкие карие глаза с интересом разглядывали московского мальчишку с тёмными волосами, стянутыми в дурацкую косичку. Ясон тоже изучал его.

Эфеб был не высок, ростом с Яську, но отлично и пропорционально сложен. Лицо благородное, открытое, решительное, хотя совсем ещё юное. Лёгкий пушок на свежих щеках делал его вид даже трогательным. Рыжие волосы и небольшое количество конопушек на правильной форме носе, с резкими хищными ноздрями, выдавали в нём огненный характер воина. Да, воина, человека, рождённого для войны, для которого звон оружия, страсть схватки, игра со смертью, просто необходимы, как биение сердца. Его белые кожаные доспехи, ладно пригнанные по фигуре, и сросшиеся с ней, как вторая кожа, сразу показывал, что юноша привык к походам, спать, есть, дышать в этой броне. Что ему удобно и хорошо быть воином, и то, что обременяет эллина: доспехи, оружие, всё, что эллины носят только в военное время, для него естественно и неотъемлемо. Как для боевого клинка ножны.

Значит это Алесь, воин, но он и постарше будет, а он, Яська, хоть и мальчишка, уже жрец. Он уже прошёл обучение и получил титул Ясона, врачевателя, а ещё может и жрецом Вакха стать, если доучится.

А воин... так у них, в Москых горах, каждый ребёнок мечом махать может! Вот отец рассказывал, что он ещё младенцем при выборе сразу и меч, и жреческий сосуд схватил, еле отобрали, потому в иеры и отдали учиться. А доспехи у парня действительно хороши, да и прямой меч на боку, ксифос. Сразу видно – из всадников! Иолько они с ксифосом ходят. Яська точно знал, что в пешем строю, эллины предпочитают кривые кописы с односторонней заточ-

кой по внутренней грани лезвия, предназначенное в первую очередь для рубящих ударов. А у военачальников были махайры, такие же кривые, как кописы, но имеющие изгиб, что позволяло оружию резать врага, а не только рубить и колоть. От таких клинков раны были страшные. Они одним ударом в бою могли отрубить врагу руку, от самого плеча. Ксифосы же всадников этот прямой обоюдоострый меч, листообразной формы, для такой рубки не годился

Данка поднялась, потянулась и направилась к новому знакомому. Алесь неловко потрепал кошку по голове. Данка фыркнула на эту фамильярность и, отвернувшись, скрылась за спиной хозяина.

– Ясон, Алесь, берите по паре амфор – и пошли.

Мерван накинул парадный плащ, застегнув на груди дорогой металлической застёжкой для одежды, одновременно служившей украшением – лабис, поправил выбившиеся из-под обруча тёмные локоны, и они двинулись в гости, посидеть – поговорить. Впереди шёл Алесь с амфорами на плечах, за ним точно так же пристроился Ясон. У впереди идущего парня движения были с одной стороны, повоенному отточенные, с другой широкие и барские. Вообще была в нём какая-то двойственность: гибкая изысканность и ленивая вальяжность.

Данка мешалась между ногами, постоянно приходилось смотреть, куда ставить сапог, чтобы под него не попала белая кисточка её гордости длинного хвоста. А кошка словно издевалась над молодым хозяином, несущим тяжеленные амфоры. Она водила своим опахалом то в одну, то в другую сторону, то исчезала, то появлялась в самом неудобном месте.

От одного размещения до другого пришлось идти через другие лагеря, которые были размещены в пещерном комплексе, оставляя нетронутой великолепную и дикую природу острова. Живые лозы буйно разросшегося винограда, хмеля и выюна создавали границу между территориями, и, если не знать заранее, где расположены представители той или иной страны, никогда не найдёшь лагерей. Всё было настолько вписано в природу, сливалось с местностью и являлось неотъемлемой частью природы, что создавалось ощущение прямо-таки продуманной маскировки. Только порт выделялся своей открытостью. Пузатые суда разгружались возле деревянных мостков. С них сносили тару со снедью, назад забирали тюки с мусором.

Лагерь эгейцев располагался за ручьём двойным ярусом. Нижний ярус составляли пещеры в стене песчаного обрыва. Это были хозяйственные помещения. Верхний, жилой, утопал в растительности.

Скромная белая кухонная палатка встретила их ароматами. Рядом горел небольшой огонь, деревянные столы и лавки были пусты. За палаткой начинался уже пещерный лагерь.

Какой-то юный воин окликнул прибывших, Алесь что-то ответил, и тот, сорвавшись с места, исчез в глубине зелени. Алесь повёл их небольшую группу по пустой площадке, закрытой разросшимися лозами. Ночная прохлада усиливалась, но от листьев шёл ещё тёплый аромат дневного солнца. Алесь поставил свои амфоры, помог разгрузиться Ясону. Из тёмной глубины растений послышался голос Аминтора, потом показался и сам брат бацилевса в сопровождении могучего рыжего воина. Воин был тяжело вооружён, в доспехах гоплита, так именovali тяжёлую пехоту, закованную в броню, вооружённую щитом гоплом, только рыжий гигант был без щита и шлема. Ну, естественно: зачем лишнее железо дома носить. Огромный, рыжий, здоровенный, со смеющимися глазами и всклокоченной бородой. Лицо его было открытым, волевым. Тяжёлые надбровные дуги говорили об упрямстве и несокрушимости в бою. На такого человека можно было положиться, он не ослушается, не отступит. Такие воины в бою дерутся до последнего, своим мужеством вдохновляя окружающих.

– Правитель Иллирии, – шепнул моск сыну.

Ясон, дома изучавший не только историю, но и современные хитросплетения, знал, что иллирийцы, когда только появились на берегах Эгейского моря, отвоёвывали себе территорию, воевали с эгейцами. Потом уже, когда Филипп стал бацилевсом, подписали договор, и теперь вместе строят единое государство.

– О, Мерван в гости пришёл, – пророкотал рыжий гигант, – а мы уж забыли, как ты выглядишь.

– Как выгляжу – я, или мои панцири, что я продаю? – взрослые обменялись приветствиями. – В прошлый раз, Парм, вы за них не доплатили.

– О чём речь, ещё партию возьмём – переплатим! – гигант подмигнул Аминтору.

– Не понимаю, зачем вам столько вооружения... – моск пожал плечами.

Аминтор обнял его за плечи, приглашая войти в пещеру: разговор не для посторонних.

– А это что за мелкий? – рыжий гигант уставился на Ясона. – Да ещё и с кошаком, Мерван, твой что ли?

– Мой, – с гордостью похвастался моск.

– Не, уже наш, – засмеялся Аминтор. – Парм, принимай жреца Вакха.

– О, вот оно как... – усмехнулся иллириец, перевёл взгляд приведшего их эфеба. – Такой мелкий – и уже жрец... Во, Олеж, учись. Отведи его к молодняку, пусть знакомятся.

– Хорошо, – Алесь кивнул, – Отец, мне вернуться?

Понятно, в кого такой рыжий... Ясон смерил отца и сына взглядом. Похожи, не отнимешь, но в сыне стихийной дикости нет, да и ростом он не в отца, помельче будет, постройнее.

– Займёшь свой пост. Служба есть служба, – гигант скрылся в проёме следом за остальными.

– А твой пост где? – поинтересовался Ясон.

– Охрана лагеря. Пошли что ли... все остальные в дальних пещерах.

Уууу... сурьёзный. Если и остальные такие, понятно, чего отец сюда сплавил, мол, дурь из башки выбить надо. Последний раз они с братьями чуть было родную Мскету по камешкам не разобрали, когда старший в отцовские погреба залез. После неделю башка с похмелья болела. Угораздило же его попасть к эгейцам. Хотя говорят, у них страна дикая, кругом леса, разбойники, бандиты водятся. Вон, ахемениды туда ездить не любят, мало кто возвращается... Ещё говорят, волки – оборотни там ходят, на купцов нападают. Может, ему, Яське, удастся там главарём бандитов стать, во отец удивится!

Детям было отведено пять пещерок, около которых разместились трое рослых мальчишек возраста Яски. Четвёртый чуть ли не за руку стоял с гоплитом, словно привязанный.

– Это всё? – Ясон даже остановился, в моском лагере молодёжи было более тридцати.

Не, это молодняк, – Алесь окинул мальчишку взглядом, – как ты. Ещё пятеро эфэбов, двое на постах, двое отдыхают.

– Понятно, типа взрослые, – усмехнулся Ясон. И так, девять человек молодёжи, а лагерь больше чем на сотню... – А поёт у вас один... – пошутил он.

– Да, – весь такой взрослый парень шутки не понял. – Вон тот, светленький, что с ногами на скамью забрался, Павка, из Линкестов.

Яска сглотнул, чтобы не выдать прямо сразу свой комментарий, после которого его точно обратно домой отправят, и уже о карьере главаря бандитов останется только мечтать. Это ж сколько к одному певцу народу подсоседелось... может, отец его сюда отправил, потому что он тоже петь умеет, чтоб этим эгейцам стыдно не было... интересно, они всей своей страшной прибыли, найдя одного с голосом?

Мальчишки разместились на площадке перед пещерами, дрожащий свет от огней почти не разгонял мрак. При виде подходящих ребята встрепенулись.

– Олеж, завтра на торг пойдём? – рванул к эфебу стройный медноволосый парнишка. Гоплит, наблюдавший за рыжим, приветливо кивнул пришедшим.

– Я же обещал, что пойдём, – Алесь потрепал подбежавшего мальчишку по всклокоченным локонам. – Тилк, да оставь ты его, сегодня уже не набедокурит.

– Ты это отцу скажи, – воин по-доброму усмехнулся в свою чёрную бороду, его синие глаза, весёлые и азартные, выдавали авантюризм. Тилку было лет под тридцать. На нём была кожаная кираса, сделанная с подробностями мускулистого тела. Подобно металлической, она несколько отяжеляла воина, создавая ложное ощущение рыхлости тела, скрывавшегося под ней, как у устрицы за её раковинами. Но прорисованный рельеф рук и ног показывал, тренированность воина, закалённого в боях, а теперь нянкой приставленного к молодёжи. Умное, бесхитростное лицо выдавало в нём человека всего в этой жизни добившегося только личной доблестью и воинским искусством. Меч – ксифос висел у него на перевези справа, не броский, но видно было, что обагрён кровью не в одном сражении.

– Кузька с утра сцепился с парнем из Кирены, еле разнял, к обеду задрался с фригийцем, а у нас ещё впереди ужин, – проворчал Тилк.

– А зачем он по-ахеменидски обзывать начал, – мальчишка резко обернулся к наставнику.

– Ладно тебе, – Алесь пихнул парнишку коленкой под зад. – Вот этого к вам. Ясоном зовут.

Он обернулся к моску.

– А ты, завтра меня найди, помогу вещи перенести.

Четверо мальчишек с интересом стали изучать новичка, пока Алесь с Тилком пошли в светлую часть лагеря.

– Я Павка – первым не выдержал светловолосый певец, единственный из мальчишек коротко стриженный. Челюсть у него была послабее, чем у остальных, овальная, а не квадратная. Вообще Ясон заметил, что у эгейцев челюсти такие... хорошо развитые и скулы широкие.

Этот парнишка от других отличался ещё и своей живостью, и бьющим фонтаном задорностью, остальные были более настороженные. – Ты Алесь брат? – на удачу, Ясон поинтересовался у медноволосого.

– Точно, Кузя – мальчишка изучал туго заплетённую косичку моска, кренделем торчащую вверх. У него было более узкое лицо, чем у брата, и голубые прозрачные глаза, рыжие волосы были всклокочены в разные стороны.

От стены отделился изящный мальчик с длинными до лопаток, как светлый дуб, волосами. Пушистые пряди спускались и по лицу, его карие глаза изучали моска изпод волос. Игривым движением мальчишка откинул их рукой назад, его длинные тонкие пальцы утонули в лёгких летящих струях.

– Это Фифа, – кивнул на него Кузька. Данка между тем подошла к рослому русоволосому бугайчику, сидевшему на изгороди. Кошка ткнулась ему в бок, парень боднул её сверху в ответ. Данка мяфкнула, мальчишка тоже шикнул и по-хозяйски привлёк её за голову к себе. Подлая Данка не сопротивлялась!

– Эй... – моск подошёл к этой парочке, пнул кошку в зад, та даже не повела ухом, только рука парня немного напряглась.

Мальчишка поднял на новичка огромные серые глаза, оценивающе окинул моска взглядом. Его надменное красивое как у девчонки лицо исказила усмешка. Ясон даже сжал кулаки, так захотелось размазать эту гадостливую усмешку по этому надменному личику. Парень откинул голову, верхняя губа чуть приподнялась, обнажая клык.

– Что, не нравлюсь, – самодовольно хмыкнул он, – Ну и правильно, я не девка, чтобы нравиться. Значит тебя Ясоном зовут, лекарь значит...

– Иль! – окликнул его Фифа, напрягаясь, его плотные губы поджались, но русоволосый даже не обратил внимания.

– Да, я прошёл обучение, – Ясон начинал багроветь, – в отличие от тебя.

На бледном горделивом лице только сжались желваки и по ним пошли красные пятна. Данка ретировалась от скапливающегося напряжения.

– Вон, Фифа пальчик уколол, полечи.... – Ухмылка у этого русоволосого парня была столь же гадкая, как и усмешка. Длинноволосый мальчишка подошёл поближе, да и все сгруппировались.

– Нечего каждой мелюзге мне указывать, – моск презрительно сплюнул. В этот же миг кулак врезался ему в лицо. Бугайчик уже был на ногах.

– Илька!!! – истерично заорал Павка.

Ясон двинул парню под дых, тот уже захватил его за шею. Фифа пытался оттащить друга. Тут и Данка не осталась в стороне, видя, что напали на её любимого хозяина. Парни кучей-молой покатались по земле, сверху прыгала разъяренная коша. Ясон кусался не хуже барса. Он мёртвой хваткой вцепился противнику в плечо. Глаза того были стеклянные и совершенно светлые, хотя ещё в начале разговора они были насыщенного серого цвета. Парень не замечал боли, всё сильнее сдавливал моска, тому уже нечем было дышать.

Внезапно всё закончилось. Хватка ослабела, и Яська понял, что Алесь ставит его на ноги. Озверевшего парня за заломанную руку держал Аминтор, кстати, они внешне даже чем-то похожи были, оттенком волос, чертами лица, только у мужчины они были более хищные и тонкие, а у мальчишки правильные. Фифа сидел на земле, потирая скулу. Рядом озлобленно шипела Данка. От пещер подходили Мерван и рыжий гигант.

– Всё, успокоился? – Аминтор оттолкнул парня, которого держал, тот не удержался и упал на землю. Мужчина врезал ему на наотмашь по голове, – Тебя как Кузьку на привязь посадить? Иди в лагерь воду таскай.

– Вот мальчишки и подружились, – хмыкнул себе в бороду рыжий гигант. Они с сыном, старшим над молодёжью, переглянулись.

– Ты тоже воду таскать – Алесь ткнул моска в плечо. – Оба виноваты.

Мерван расплылся в довольной улыбке.

Пошли дальше договор подписывать, тут и без нас разберутся.

– А у Ильки шрамы на всю жизнь останутся? – с завистью поинтересовался Фифа.

Только сейчас заметили, что вся спина у русоволосого драчуна располосована кошачьими когтями, в пылу драки кровь никто не видел, или она сейчас только начала проступать через рваную хламиду.

– Красив... – хихикнул Мерван, – прям тигр.

– Агта травки приложит, пошепчет, всё пройдёт – русоволосый покосился на Аминтора.

– Ну-ну, – ухмыльнулся тот, показывая клык, – и долго ты на батю надеяться будешь?

Ясон перевёл взгляд на отца, показывая глазами на парня и Аминтора.

– Ну да, сын... – пожал плечами Мерван.

– Давай залечу, раз это Данкина вина, – Хмуρο предложил Ясон. Мерван, забрав мужчин, удалился в пещеры, оставляя мальчишек на Алесь.

– Фифа, принеси воды, Илька, снимай свои тряпки рваные – начал распоряжаться старший парень, – Тебе, Ясон, что для врачевания надо?

– Нож и огонь.

– Павка, Кузька, костёр у кухни посильнее разведите.

– Слушай, что он у вас такой нервный? – Ясон тихо подошёл к Алесю, – Может ему травки попить успокоительные. Я знаю, я заварю...

– Да они всегда бешенные становятся, когда нервничают, молодняк. Был бы тут палестр, там бы пары спустили, – тихонько объяснил эфеб, – завтра Павка поёт на Илькины стихи, вот они все и срываются.

Ясон пожал плечами, не ну конечно оно понятно, свои стихи на суд общественности выносить, однако на людей то за что бросаться. Он тоже завтра поёт, но ведь не бросается. Парень явно не в себе.

– Я готов, – русоволосый парень, скинув верх остался в одних штанах и сапогах.

– Ложись к костру, – на его вопрошающий взгляд Ясон показал ровное место. Фифа принёс воды. Ясон достал из-за голени нож, сел рядом с разлёгшимся мальчишкой. Да..., Данка хорошо поработала, располосовала от души.

– Накалённый на огне нож быстро носился над окровавленной спиной. Умелые руки жили своей жизнью. Ясон даже не задумывался об их действии. Ладони покалывало иглами, значит процесс шёл. Нож только постоянно приходилось нагревать, сжигая в огне весь негатив. Кровь уже не сочилась, а струпьями сворачивалась на коже. Зеленоватые всполохи исходили из пальцев, подобно лозе винограда, оплетая спину. На глазах раны затягивались сначала розовыми прожилками, потом и они смешивались с общей массой кровавых разводов. Ясон взял сосуд с водой, выплеснул на спину мальчишке. Потом промокнул разорванной хламидой... Ровная, белая без изъянов спина предстала глазам зрителей.

– Радостно!!! – с присвистом воскликнул Павка, – а меня так научишь?

Алесь потрогал пальцами спину Ильки, пожал губами, вообще у него очень подвижный рот...

– А теперь за водой, скоро ужин, – поднявшись, распорядился он. Мальчишки подхватив бадейки, пошли к источнику. Ясон опасливо косился на бугая с девичьим личиком, и розовыми пухлыми губками, идущего с ним, но тот был поглощен своими мыслями, и, казалось, не обращал внимания на спутника. Так и не надев верх, он щеголял между ветвей обнажённой спиной, полосатые штаны только подчёркивали длину его до неприличия ровных и стройных ног.

– Покажи свой нож, – внезапно парень обернулся, подставляя руку, словно отказа быть не могло. Ясон нехотя вытащил из-за голенища высокого сапога своё оружие. Парень покрутил

нож в руках, проверил заточку, балансировку, понюхал, попробовал на вкус,... что-то недовольно буркнул, вернул нож назад, достал свой.

– На, мой лучше, – протянул он нож Яське, который действительно был необыкновенен, лиловый металл лезвия излучал силу, резная костяная рукоять вселяла спокойствие. Ясон опешил от такого подарка, мало кто мог бы расстаться с таким оружием, да чего мало..., он таких не знал, кто бы так просто подарил такую драгоценность. Парень, видя сомнения Яськи, усмехнулся своей гадостливой усмешкой.

– Бери, атту уговорю, мне новый сделает...

Яська понял, парень просто по-другому ухмыляться не может, любое искажение этого девичьего личика мальчишеской мимикой было неуместным. Вообще эти эгейцы вполне нормальные, если к ним привыкнуть, ну у него, у Яськи, на это времени предостаточно, явно отец отдал его сюда не на один год.

Пока Ясон ждал, что его заберут в лагерь к эгейцам, он не находил себе места. Всё-таки, решалась его дальнейшая жизнь. Он просто бродил по окрестностям, в сопровождении Данки. Кошка не ощущала ответственности момента и резвилась как маленький котёнок. То бегала за порхающими бабочками, охотилась на них своими мягкими лапами, то пряталась в кустах, пытаясь вовлечь задумчивого хозяина в свои игры. Пока юный моск проходил мимо мест, облюбованных под житьё разными народами, внимание на него никто не обращал, даже дорогу уступали, люди сторонились от мальчишки, прогуливающегося с дикой горной кошкой. На Данке же не было написано, что она домашняя любимица, а не составляющая единица боевого московского отряда барсов.

Так слоняясь без дела Ясон забрался в какие-то дикие заросли, совершенно безлюдные. Мальчишка слышал журчание воды, и собирался было в одиночестве посидеть у бьющего из-под земли ключа, над которым ветки высокого куста переплелись с лозами дикого винограда создавая тень. Что могло быть лучше, чем прохлада, в которую можно окунуться и подумать о том, куда же ведут его боги. Но место уже было занято.

У холодной бьющей из-под земли воды сидел, на удобном камне, полный мужчина в длинном одеянии с бахромой, лысоватый, с добродушным лицом и хитрым взглядом торгоша.

– Странно, – прошептал про себя юный моск, ни дахов, ни других азиатских народов в Мителенах сейчас быть не должно, а мужчина одет в восточное платье. Данку, рванувшую было к холодной воде, мальчишка придержал рукой, и они вместе замерли в кустах, наблюдая за восточным человеком. Всё равно до прихода Алеся заняться не чем было.

Вскоре к ожидавшему присоединился воин в лёгких льняных охотничьих доспехах. То, что это был именно воин, заметно было по выправке, по манере держать себя, Ясон бы даже сказал, что с островов Эгейского моря, отличаются они как-то неуловимо в движениях от материковых жителей. Мужчина значительный, но с какойто червоточиной. А потом, вышел ещё один. На этот раз, это был молодой человек, гибкий, быстрый в движениях. Ясон сразу определил, что эллин, только они не носят штанов и оружия, считая это варварскими пережитками. Лицо молодого человека можно было бы назвать красивым, не будь оно столь слащавым. Утончённый, ухоженный, с вытравленными до белого цвета волосами, длинными, как у эфеба, хотя возраст этот он уже лет пять как переступил.

– Калос, – бросился к нему добродушный толстячок в восточных одеяниях.

Беловолосый воровато оглянулся, зато воин надавил на обрадовавшегося толстяка рукой, чтобы тот сел. Дальше говорили они тихо и юному моску ничего не было слышно, сколько он не напрягал свой слух. Воин отдал тому, кого называли Калосом исписанные свитки. Они обменялись какими-то фразами, толстяку достался кошелек с деньгами, и мужчины разошлись.

Ясон с Данкой тут же заняли освободившееся место в прохладной тени. Барсиха обнюхав место встречи расчихалась, и юному хозяину пришлось ледяной водой брызгать ей на морду,

чтобы смыть неприятный запах. Потом они вместе пили из ключа и даже перекусили лепёшкой с сыром, взятой из московского лагеря.

Вскоре Ясон услышал зов отца, за ним пришли. Вот с этого момента и началась новая жизнь, всё прежнее было выброшено из головы, или проще – забыто.

День он уже провёл в лагере эгейцев, после того, как Алесь помог перетащить вещи.

После сытного завтрака дети в окружении охраны ходили на торг, оттуда уже к полудню они спешили на конкурс певцов. Кузька сбегал к лагерю в сопровождении эфебов и уже у выхода с торга ждал их с музыкальными инструментами.

Как только Яська увидел свою кифару, страх в предчувствии конкурса накатил, поселившись холодным мерзким животным внизу живота, выпуская липкие щупальца по спине. На торге Павка был притихший и ни на оружие, ни на доспехи внимания уже не обращал. Вообще, общая напряжённость ребят просто нарастала. Миновав разные лагеря, сам не зная, как, Яська на негнущихся ногах подошёл к входу в пещеру, предназначенную для конкурса. Мальчишки рядом с ним чувствовали себя не лучше. Павка шёл на ватных ногах, стуча зубами. Петь, видимо, он будет, лязгая. Илья, был бледен как смерть, постоянно сжимая кулаки. Фифа его о чём-то спросил, но тот поднял на него невидящие глаза и замотал головой... Яська, глядя на них, понял, что и его сердце упало куда-то в пятки и там слабо постукивало.

У входа их ждали взрослые, но мальчишки прошли мимо родителей, словно шли в последний путь. Мерван ободряюще потрепал сына по плечу, Яська выдавил куцую улыбку.

Они спускались по узкой лестнице, обрамляющей пещеру. Внизу, в горе, находился амфитеатр. Полумрак пещеры настраивал на камерность и таинственность. Слабый дневной свет проникал сверху, освещая площадку для певца. На ней горел тёплый костёр и стоял грубый стул. Гости из группы поддержки рассаживались на туфовые скамьи, юноши-певцы уходили в триарочные хода, согласно представленным направлениям. Для певцов самостоятельной песни был крайний ход. Яська скрылся в него, оставив новых друзей напутствовать Павку. Неунывающая Данка, вильнув хвостом, последовала за хозяином.

Ждать Яське долго не пришлось, его пригласили одним из первых. Он вышел на освещённую площадку. Зрителей почти не было видно, их скрывал мрак. Он достал свою кифару, Данка разлеглась у ног. Несколько мгновений Ясон думал, как начать, несколько раз вздохнул, чтоб успокоиться, поставил ногу на стул, пристроил на неё кифару и... Тишину прорезал звук струн, потом к ней присоединился детский голос... Песнь о Свободе зазвучала в пещере, о свободе мысли, о мечте и солнечном луче, искрящемся и ведущем вперёд. Мальчишка пел о вольном ветре, что не знает границ, о высоких горах, устремляющихся в небо. Он пел о падении в бездонное небо и парении над землёй. У него не было сильного голоса, но какие-то нюансы только добавляла оттенок теплоты его полёту души. Песня шла изнутри, из самого мальчишеского сердца. В тон струнам подмурлыкивала Данка, добавляя в звук мягкость шелеста ветра. Звуки кифары смолкли. Наградой были аплодисменты слушателей. Словно груз свалился с плеч мальчишки. Сразу стало тепло и уютно в этой пещере. Его попросили освободить место для следующего исполнителя. Яська сел рядом с мальчишками.

Рядом сидел Илья, скрежеща зубами. Его руки были собраны в замок, костяшки на пальцах побелели от напряжения. Скрежет зубов не давал слушать исполнителей.

Яська, глянув в бледное лицо с горящими глазами и пунцовыми от покусов губами, не выдержал.

– Слушай, ты часом не волк-оборотень... – тихо спросил он у мальчишки. Тот зыркнул на моска, и Яське захотелось исчезнуть или стать точно не съедобным.

Наконец, на освящённое место вышел Павка. Линкест шёл с высоко поднятой головой, со взлохмаченными короткими светлыми волосами, словно нимб обрамляющими гордое бледное лицо. Достав лиру, он запел чистым сильным мальчишеским голосом. Песнь его была гимном танцу мироздания. Это были всполохи энергии и искры творения. Это был взлёт начала. Это

танец свершения. Это великие боги, что сотворили всё. Безудержная, восхитительная Эвринома, что в хтоническом танце соединилась с Драконом Офионом. Это полёт белого Дракона через мириады звёзд, где каждая являлась новой жизнью, новым свершением и искрящейся сущностью, дающей эту жизнь. Павка вдохновенно пел о рождении этого мира, и крылья богов передавались ему. Мальчишка парил по пещере. Его голос смешивался с пустотами и возвращался наполненный энергией жизни. Красочные сцены мироздания заполняли тьму пещеры. Создавалось ощущение, что акустика данного места наполняет чистый мальчишеский голос шелестом появившегося океана. Потом шепотом травы. А вот и запели первые птицы.

Музыка и песнь лилась отовсюду, отражаясь от стен пещеры. Это было совсем другое ощущение, чем там, на сцене. Слушатели находились в центре музыки, она их окружала, обволакивала, наполняла собой, они становились соучастниками всего действия, о котором пел певец. Идеальная акустика пещерного зала заставляла слушателя тонуть в звуках мелодии, нестись в волнах голоса, быть в центре всех разворачивающихся событий. Создавалось ощущение, что мир зарождался именно вокруг тебя, и ты был не сторонним наблюдателем, а каким-то незримым его элементом.

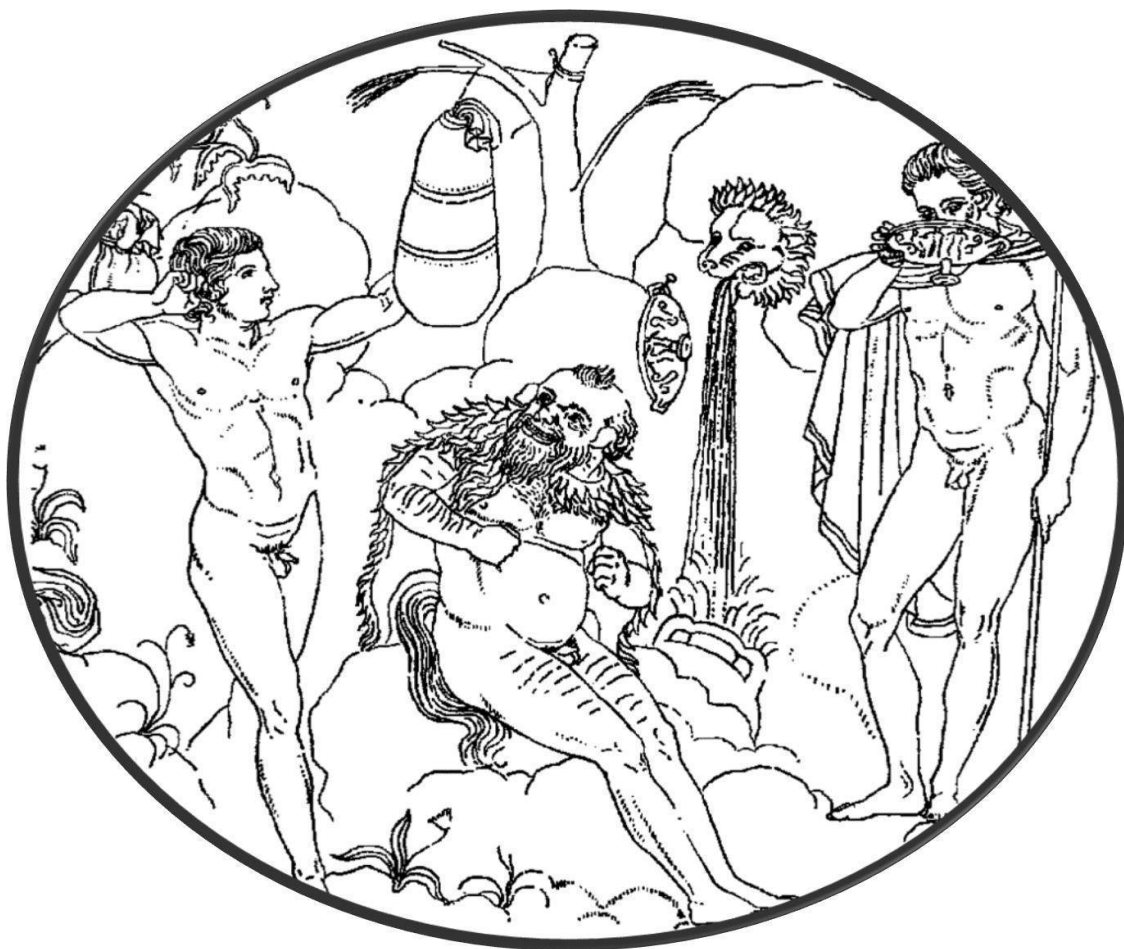
Яська перевёл взгляд на поэта. Он бы никогда не подумал, что этот бугай может думать о таких глобальных вещах, и как думать... Илька сидел, вытянувшись в натянутую струну, он словно сливался с певцом, отдавая ему всего себя, все свои силы, всю свою жизнь ради этой песни. И чем дольше пел Павка, тем безжизненнее становился Илька, теряя свои силы.

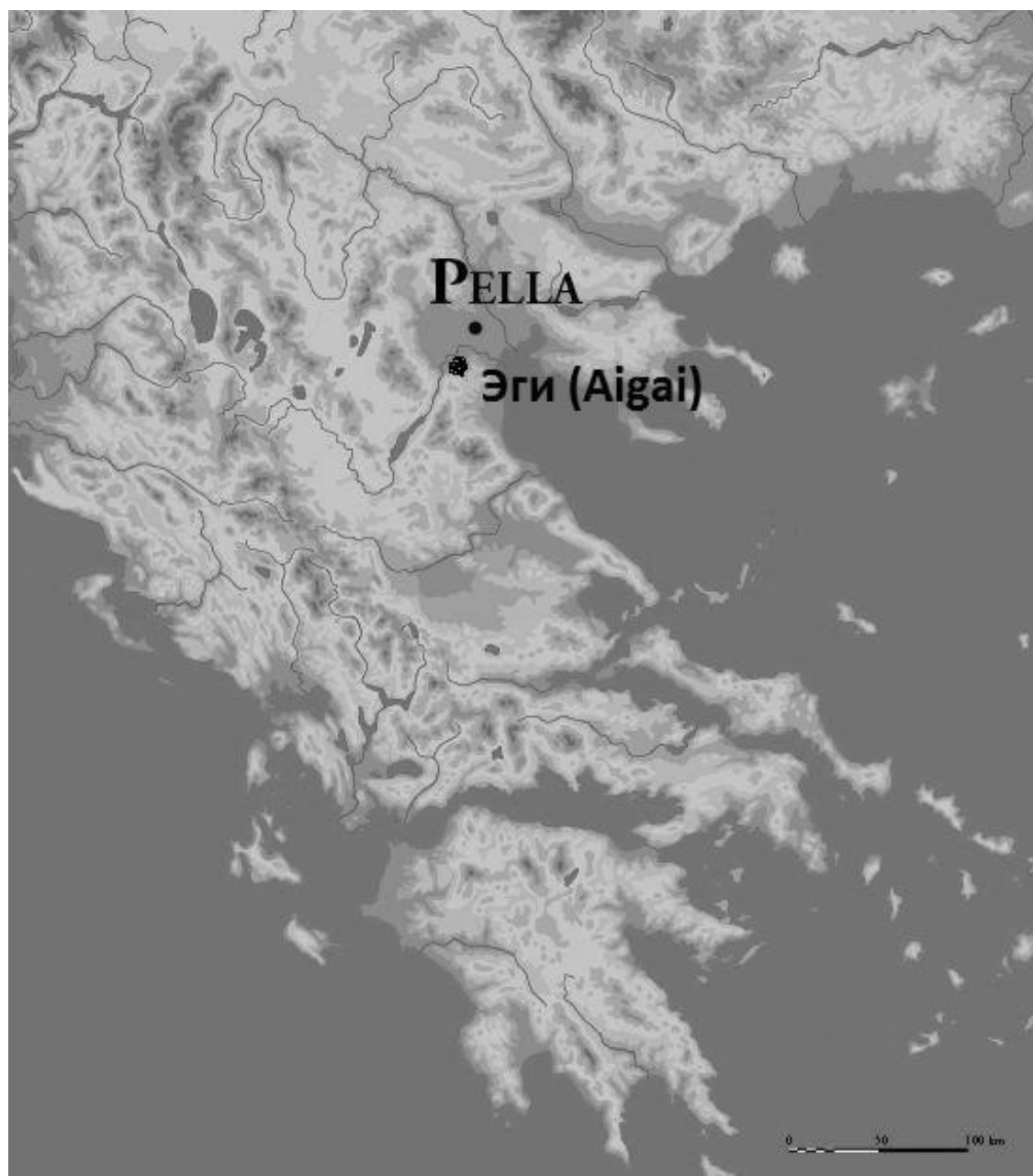
Голос певца раскрылся полным диапазоном, представляя на суд слушателей все открывшиеся миры и временные спирали. Песнь галактики соединилась с песнью земли и полностью вылилась в пещере. Когда голос певца утих, вокруг тяжёлым покровом опустилась тишина. Илька, прикрыв глаза, откинулся на спину сиденья. Фифа взял его за руку. Только потом разразились аплодисменты. Павка присоединился к ним счастливый и довольный, как объевшийся сметаной кот.

Жалко, что на конкурсе они не выиграли. Место победителя давало бы право бесплатного обучения в храме Муз. Победа досталась мальчишке с тенором.

В этот же вечер Мерван проводил сына на новую Родину.

Пока ещё, правда, Яська не знал, что эта земля и эти мальчишки будут с ним всю его долгую жизнь, и лучше и надёжнее друзей у него никогда не будет.

1 глава

Эги. 344 г до н.э. От Ясона.

Яська сидел в рогатине кривого толстого раскидистого дерева, разглядывая Эги со стороны. Данка разлеглась внизу на траве.

Ясон хотел было пойти следом за мальчишками, но в последний момент их потерял: как назло, в это мгновение, когда он тайком хотел прокрасться за ними, его окликнули барсы, чтоб шёл размещаться. И вот теперь Ясона сжигал интерес, куда это они тайком подались.

До Эг они добрались благополучно. Корабль эгейцев с высокой осадкой летел, как чайка. Он был богато убран, в носовых и кормовых каютах разве что статуй не было, борта обиты дорогим ливанским кедром, источающим тонкий аромат. Рельефная резьба, изображала танцы земной богини. Объёмные светильники нояд были, словно живые. Внешняя белая обшивка лёгкого корабля оттенена пурпурными тонами. Узкий волнорез скользил по волнам с изящностью и силой гордой птицы. Огромные нарисованные над ним глаза, отгоняющие зло, игриво подмигивали стайкам весёлых дельфинов.

Перед Пиреем эгейцы замедлили ход и ползли мимо Афинского порта, красуясь своим великолепием на зависть афинянам. Чёрный пузатый корабль барсов охранял их с моря.

В Эгах их встретили. Мужчина, похожий на Аминтора, в жреческой повязке и пурпурном плаще привлёк Яськино внимание. Это явно базилевс Филипп: волосы тоже русые, только темнее, глаза с зеленью, лицо хищное, но красивое и приятное. Как ни странно, Филипп был при полном параде. Яська не понял, разделся базилевс именно к их приезду, или его оторвали от каких-то государственных дел.

Вообще, Эги – древняя столица, но есть и новая, Яська ещё дома об этом слышал. Новую столицу возвёл Филипп, и, как говорят, отстроил её в эллинском стиле. Эги же, чистый лесной город, стал сакральным центром. Здесь проводятся ритуалы и хоронят правителей. Здесь ещё дремлет сила старых культов и древних сил, выходящих из земли и лесов. Город вызывал сонное, ленивое чувство, из-за своей древности. Это был свободный, свежий, светлый и чистый град. Город был выстроен в форме подковы. В центре административное здание, огромное и мощное, из гранита. Больше каменных построек тут Ясон как-то не заметил. Даже рядом находящийся театр имел деревянные сидения и, тонкую деревянную облицовку, в качестве декораций. И всё это утопало в зелени раскидистых деревьев. Центральная улица, мощёная

мелким белым камнем с двух сторон, скрывала желоба с канализацией, наглухо упрятанной в трубы. По сторонам росли подстриженные ровно кусты, создавая зелёную стену. Вокруг домов были разбиты сады. Во двориках разбиты огороды. Центральная площадь для общественных мероприятий окружена толстыми старыми деревьями, за свою жизнь повидавшими не одного правителя, молчаливо взирающими на их потомков, снисходительно наблюдая быстротечность окружающей их жизни.

К Филиппу подскочил Павка. Басилевс поднял мальчишку над головой и закрутил в воздухе.

– Брат, мы не победили, – отбивался Павка. Филипп поставил его на землю.

– Значит дома останешься.

Аминтор с Филиппом обнялись, глаза басилевса были хитрые, весёлые.

– Тор, ты же наверняка денег судьям не дал, – Филипп костяшками пальцев постучал брата по лбу. – Честно, на это только и надеялся. Мне Павка дома нужен, а то из храма Муз не вытащишь, когда потребуется.

– Брат? ... – Яська ткнул рядом идущего Фифу локтем.

– Ага, вообще-то мы все родичи, – парнишка весело улыбнулся, откидывая длинные волосы изящным жестом, – Филипп, Аминтор, Павка – по матери братья. А Менелай, Аминтор, Филипп – по отцу. Эвредика, когда их отец слёг, за Линкеста замуж вышла. А Аминтор женат был на моей старшей сестре. Правда я её не помню, она умерла через год после рождения Ильки. На Истре простыла. Мать говорит, что Тор её очень любил, так и не женился больше. А вон и девчонки бегут.

С разных сторон люди прибывали встречать прибывших. Стайка девчонок выпорхнула из рощи и неслась, словно обезумевшие вакханки. Среди них были и коротко стриженные, и с развевающимися длинными волосами, и в штанах, и в коротких хитонах, спортивные, сильные такие девушки... Начиная с семнадцати и старше. Таким бы о замужестве пора думать, а не носиться как горным ланям. Возглавляла забег стройная светловолосая девчонка с длинными сильными ногами и решительными движениями.

– Первая – ведьма Фессалоника, дочь Филиппа, – Фифа попятился, прячась за Яську, – Калка и Клеопатра – Аминторовы. Вон та, стриженная, моя сестра... рыжие – иллирийки Пармена. Барсина из Фригии. А вон догоняет растрёпанная девчонка, тоже Филиппова... А та....

Парень взмахнул тараторил, и Ясон понял, что он уже в них запутался. Да, в эгейских семьях девчонок было значительно больше чем ребят.

– Ой, мои идут! – Фифа даже взвизгнул от радости и опрометью помчался к могучему темноволосому мужчине вместе с пухленькой невысокой женщиной, подходящих к ним.

Вереща, мальчишка с разбегу повис на шее отца, дёргая ногами.

Шумная стая девушек, прорвав кордон из встречающих, окружила вернувшихся эфебов. Пятеро взрослых мальчиков, расправив плечи, подтянувшись, были польщены таким вниманием. Одна из девушек повисла на шее Алесея, другая целовала его в щёки.

Потом был обед. Столы и скамьи расставлены были прямо на улице города, под раскидистыми деревьями. Во главе стола, рядом с Филиппом и Аминтором, посадили Павку и Ильку, а ещё его, Ясона. Вокруг всё было увешено цветами и гирляндами из лент. Прибывшие с Алесем эфебы в почётном карауле стояли вокруг стола, остальные в начищенных доспехах, разливали взрослым вино, приносили блюда. Столы были накрыты посреди площади, и отовсюду к ним стекались люди, не сказать, чтобы празднично разодетые, но в чистом и добротном. Гиматии, в которые они кутались из-за прохладного и свежего воздуха, задувающего из леса, были из дорогих шерстяных тонких тканей сочных цветов. Яська с детства видел изображения эллинов и считал, что они так и ходят, как их изображали художники, но то ли эгейцы так и не стали эллинами и придерживались ванских традиций, то ли художники, когда рисовали, видели что-то своё..., но все мужчины были в штанах, как ионийцы и многие женщины по моложе тоже штанами не брезговали. Только детишки лет до семи бегали с голыми попками, которые почти не скрывали развевающие эксомисы. Мужчины и женщины постарше в длинных, до щиколоток хитонах с рукавами из плотной мягкой ткани, расшитых или расписанных набивным рисунком из ярких орнаментов. И в одежде, и в жестах читались простота и достоинство. Степенность старших совсем не угнетала и не давила веселье молодёжи. Шутки звучали за столом. Женщины кокетничали, требуя к себе внимания. Смех и беззаботность правили на празднике. За столом не было чужаков. Сюда отдохнуть от напряжённой жизни в новой столице приезжала аристократия. Тут все были равны – от басилевса и александроса, до простого эгейца. Хотя можно ли назвать простым человека древних законов, где нет раболепия и угодничества, где чтят гордость, достоинство и честь.

Яська, сидя на дереве, усмехнулся, вспомнив, как потом пел сын Филиппа, малолетка. Это был стройный мальчишка двенадцати лет, с белой молочной кожей и длинными льняными волосами. Его лицо было мечтательное и одновременно дерзкое, утончённое и в то же время решительное. Звали его Суриком, и он действительно напоминал озорный солнечный лучик.

Если бы эгейский базилевс выпустил его на конкурсе, ну и, естественно, заплатил судьям, мальчишка бы уже учился в храме Муз, а потом бы руководил военными хорами. И, судя по Филиппу, он бы с удовольствием сбавил сыночка, да вот неприятность – тот возрастом не вышел. А через четыре года, когда конкурс повторится, ему уже будет шестнадцать и опять по возрасту не попадёт.

К закату весь молодняк расплылся от стола, при взрослых остались только эфебы. Даже старших девчонок прогнали.

И вот тогда Илья с компанией куда-то собрался, и тихонько, чтобы их никто не заметил, ускользнул.

Сегодня Яська с утра сидит, наблюдает за эгейцами. Хорошо, что ещё не тормозят. Вон, мальчишки уже учатся. Хотя, почему только мальчишки? Скорее, вся молодёжь. С одной стороны, хорошо, что его пока не трогают, можно осмотреться, а с другой обидно – хочется со всеми.

Данка, развалившись на спине под деревом, подставила светлое брюхо лучам тёплого солнца. Между тем сама пыталась поймать то ли кузнечика, то ли жука в траве. Замысловато выгибаясь, она щёлкала зубами, запрокинув назад голову. Поза была настолько неудобна, что не было ничего удивительного, что никто не ловился. Фыркая и отплёвываясь, она продолжала своё интеллектуальное занятие.

Мимо проходил Филипп и отец Фифы, Яська ещё не знал, как его зовут, и какое место в иерархии он занимает. Данка насторожилась, перевернулась, тихонько легла и затаилась. Мужчины были несколько раздражены. Яська слился с деревом, пытаясь прислушаться. Ему не давал покоя глаз Филиппа. Мальчишка понял, что базилевс им не видит, но тот жил своей жизнью. Если мужчина смотрел на собеседника, то этот умный глаз, смотрел на их дерево.

Яська знал, что при таком ранении глаз всё равно не видит, но было жутковато.

– Нашли тело ахеменидского толмача, – говорил сидящий темноволосый мужчина.

– И что ты от меня хочешь? – Филипп пожал плечами, – он мне никогда не нравился, всегда был скользким. Да и переводил неточно.

– Ну, и долго ты будешь кормить ахеменидов баснями о разбойниках? Ведь начнут нервничать и устроят расследование.

– Буду кормить столько, сколько нужно. Чем больше их поляжет, тем нам же лучше. Мало ли что он успел у нас увидеть или разнюхать – Филипп приложил руку к глазу, пытаясь его успокоить – и уж конечно не выдам своих людей, в которых осталась гордость, и которые не могут терпеть их хамство.

– Вот об этом и говорю. – Мужчина вздохнул. – Опять один удар острого лезвия под сердце. И ничего не взято. Ну не действуют так разбойники. Или шею свернут, и всё – это тоже разбойники?

Филипп захихикал:

– Ты наставление напиши, по которому наши разбойники работать должны.

Мужчины отошли от дерева, Яське уже было не слышно. Значит тут разбойники денег не берут... Вот у них, в Моских горах, очень даже берут, особенно у скифов, что по соседству. Когда соседи скифы нападают на селения, “разбойники” их потом находят, вырезают, забивают ценности, а потом требуют с селения списки, что было похищено, и раздают ценности по описи. А если попадает что-то наделённое силой, то оседает у Мервана. А скифам ещё и головы отрезают, потому у москов не разбойники, а головорезы. Дахи у них тоже появляются, но Мерван с ними предпочитает не ссориться, слишком уж они близко, одни моски против них не выстоят. Так, если за скифов сочтут..., если по одежде похожи окажутся, то и поступят как со скифами. А тут вообще-то подальше от Персополя, можно этих хлыщей и резать. Эгея отдалённая сатрапия ахеменидского владычества, Скудрия. Сюда знатных и родовитых не пришлют. Вот из-за их смертей буча бы поднялась. Карьера главаря бандитов нравилась Яське всё больше.

– Ты что там как ворона уселся? – к дереву подошёл Илька, закончивший занятия по грамматике, – У тебя что, период гнездования начался?

Данка прильнула к парню, стоящему под деревом, подставляя белый подбородок ласковому почёсыванию. Тонкие сильные пальцы мальчишки ласкали кошку, она ему отвечала мурчанием. Барсиха и сама почёсывалась о его светлые штаны, оставляя на них свой запах.

Яська нехотя спустился со своего насеста.

К ним подошёл смуглый высокий мальчишка, по внешности сразу видно, что не местный. Эгейцы светлокожие, со светлыми волосами. Их обожжённая солнцем кожа была приятного бронзового оттенка, подчёркивая рельеф тренированных тел. Парнишка же был худ, высок и с загаром, напоминавшим спелый каштан. Сразу видно, что большую часть лета он ходил под солнцем обнажённым, да в общем-то, как и остальные, но солнце его любило и больше окрашивало его кожу. Яська подумал, что он скорее всего с островов, в Моских горах именно приезжие оттуда обладали таким интересным оттенком кожи. По-видимому, педагог, из домашних рабов Аминтора, из тех педагогов, кто ходят с молодым хозяином, водят его на учёбу, присматривают по жизни. А потом остаются при хозяине на всю жизнь. Есть рабы, которые стараются выкупиться, заработав на собственном производстве, и получить вольную. Среди педагогов таких мало. Они вообще при хозяевах на привилегированном положении. Такой раб и подзатыльник дать может, своему воспитаннику. И, вырастая вместе с хозяином, всю жизнь опекает такого дитятку. Яська вздохнул, вспомнив своего весёлого педагога, оставшегося дома. Сколько они вместе садов обнесли... Мерван посчитал, что сыну вполне хватит двух дядек из барсов, а его педагог перейдёт к младшему братишке, оставшемуся в Мскете.

Илька передал своему педагогу грифельную доску, забрал у него плащ-гиматий, шляпу фетровую с большими полями, и тут же всё надел.

– Лиапп, передай Атте, что обедать я к Кузьке пойду, – отмахнулся парень, когда смуглый педагог попытался помочь ему повязать тонкую шерстяную ткань с бахромой вокруг шеи красивыми складками.

– Батюшка сердиться будет, – смуглый парнишка умоляюще поднял на русоволосого хозяина большие карие глаза. – Аминтор хочет, чтоб ты дома обедал. Иль, ты и после обеда к Кузьке сбежать сможешь, а тут сестрицы соберутся. Всей семьёй за одним столом...

Илька сапогом подкинул камешек, о чём-то размышляя.

– Ясь, ты где обедаешь? Пойдёшь ко мне? – он хитро посмотрел на моска и тут же решил.

– Передай Атте, что я с другом буду.

Парнишка кивнул и помчался видимо туда, куда послали – домой. Яська так и не успел ответить, что его и барсы неплохо кормят, как был приглашён на обед к брату базилевса, Александру, командующему всем эгейским войском.

– Перед обедом на палестры, где тренировки по борьбе проходят, зайти надо. Пошли, я всё покажу. – Илька по-приятельски похлопал моска по спине, – Не робей, тут робких не любят...

– Стеснительных, смотрю, тоже, – хмыкнул Ясон.

– Есть такое..., – рассмеялся мальчишка. Если ухмылка и усмешка у него были крайне противные, как и хихиканье, как уже заметил моск, то улыбка и смех были задорные мальчишеские и очень заразительные. Илька надвинул свою шляпу поглубже, чтобы она полями полностью скрыла лицо, и они двинулись к палестре, заодно рассматривая все достопримечательности. Данка деловито трусила рядом, причём не со стороны хозяина, выкормившего её ещё с нелепого котёнка. Чем ей так этот парень понравился?

Под склоном Алесь и Тилк тренировали Кузьку. Мальчишки остановились понаблюдать. Тилк зажимал Кузьке руки, и наносил удар, парнишка в кувырке отпрыгивал назад, но вместо того, чтобы опуститься на ноги, каждый раз плюхался на ягодички.

Подскакивал, Алесь в очередной раз объяснял брату его ошибки.

– У него что, задница такая тяжёлая, – захихикал Ясон. Илька хмыкнул на шутку.

– Посмотри, он на ноги боится встать при кувырке, бережёт их. Надо посоветовать голестоп перебинтовать, – глубокомысленно заметил русоволосый мальчишка. – Ку-Кузя!!!!

Ты на палестры идёшь?

– Ага. Сейчас только Тилк мне ноги повывёртывает, и я прибегу, – отозвалось снизу.

– Иль, тебя сегодня к обеду ждать? – поинтересовался Алесь, – Я с утра на охоте лань подстрелил.

Илька сглотнул.

– Не... Атта настаивает, чтоб обедал дома...

– Ну как знаешь...

Ясон заметил, как погрузился его спутник. Да, что же это за обед такой, на который как на каменоломню собираются?

Тихие спокойные Эги сонно жили своей жизнью. Люди медленно и чинно ползали по улицам, занимаясь своими делами. В центре было совсем не многолюдно. Недалеко от площади возвышалось монументальное гранитное здание, являющееся административным центром. Оно словно монолит выделялось из зелени. Даже выносная колоннада квадратных гранитных колон была массивная. Хотя и не лишена изящества и роскоши, а вот чего в здании совсем не было, так это лёгкости. Массивный купол с небольшой площадкой венчал этот серый монумент.

Около здания, у подъезда с колоннами, сустились просители. Рядом в кустах для них ещё была поставлена удобная лавочка, чтобы скрасить ожидание. В отдалении стоял мидиец с телохранителем в зелёном кафтане с длинными рукавами, из которых торчали рукава жёлтого хитона. На голове у него был белый башлык, а за поясом короткий кинжал. Сам мидиец – в

митре, что показывало на его жреческое сословие. Митра была украшена мелким бисером и бирюзой. Так же украшены и его длинные одежды. За спиной, на поясе у него висел парадный меч.

Проходя мимо них, Илья ускорил шаг, инстинктивно втянув голову в плечи. Ясон с интересом рассматривал эту цветастую публику. Ахемениды тоже рассматривали мальчишек, их взгляды словно ощупывали ребят. Так же они смотрели и на пробегающих куда-то девчонок. Яська усмехнулся на этих хозяев новой жизни. В Моских горах таких было мало, моски всегда славились как воины, их нанимали ещё в Артуре, старом государстве на двух реках, которого сейчас уже нет. Да и сейчас войска профессиональных наёмников, называемых на востоке мошками, пользуются спросом. А зная их клятвы на крови, кровную месть, мало кто отважится связаться с целым подразделением, где один за всех и все за одного, даже ахемениды не желали быть их кровниками. Ясон показал цветастым жест, принятый среди моских наёмников, объясняющий куда бы эти ахемениды шли, и что будет, если не послушаются. Довольный произведённым эффектом, моск пошёл дальше. Данка, поймав настроение хозяина, предостерегающе зашипела на неугодных её юному господину людей, белая кисточка её опахала изобразила движение бича.

Отведённая под палестрами территория находилась с задней стороны административного здания. Войдя через небольшую дверь, они быстро прошли по выложенному мозаикой полу к раздевалке. Обнажившись и натерев тела смесью оливкового масла и ароматных трав, вошли в палестры, оставив кошку в раздевалке. Там уже тренировалось множество ребят. Кто-то был знаком Ясону, кого-то он видел впервые.

Павка раскачивался, сидя на висящем мешке с песком, предназначенном для отработки удара, пытаясь увернуться от розог разгневанного преподавателя. Фифа долбал соседнюю грушу с весёлой расцветкой замотанными в бинты кулаками. Несколько мальчишек в отдалении отрабатывали старт для бега, три группы в спарринге, сцепились на песке под чутким взглядом наставников, кто-то отбивал руками удары деревянных шестов. Ясон с облегчением вздохнул, ничего нового он не увидел, всё так же, как и при дворе Мервана.

Ясон следом за Илькой подошёл к тренеру, бывшему воину, чьё тело было покрыто шрамами. Его лысый череп блестел от пота, седеющая борода всклокочена, глаза грозно сверкают из-под бровей.

– Это Ясон, – представил Яську сын Аминтора.

Въедливые глаза тренера окинули моска, оценивая его возможности, его тренированность.

– Знаю, сын Мервана, – пророкотал старый воин. – Всадника вижу, а как воин, не знаю, на спарринг иди, посмотри, что за материал прибыл. Илья, тебя ждут камни.

Сбоку на палестре кучей были навалены валуны. Русоволосый парень неспеша подошёл к ним и начал перетаскивать на другую сторону палестра, маневрируя между остальными тренирующимися мальчишками и сжимая зубы под тяжестью каменных глыб.

Лысый тренер подозвал одного из ребят, сидящего на лавках и, видимо, отдохавшего.

Парень был покрупнее Яски, такой же светловолосый, как и большинство местных ребят. Звали его Певка, от Певкеста. Мальчишки под бдительным оком лысого воина сцепились. Силой парень превосходил моска, зато Ясон был ловкий и вёрткий, как Данка. Он шустро выкручивался и исчезал из медвежьих объятий соперника. Его кошачья гибкость, развитая на тренировке барсов, позволяла, не принимая боя, просто уходить от удара. Потихоньку он довёл парня, с которым боролся, до бешенства. И когда тот пошёл на грубую прямую атаку, рушащую всё на своём пути, моский мальчишка коротким ударом в грудину остановил его, сам не заметив, как из открытой ладони сорвалась красная молния.

Лысый воин остановил бой. К нему подошёл темноволосый мужчина с благородной седой на висках и бороде. Жёлто-карие глаза разглядывали моска. Весь поединок мужчина наблюдал за ним.

– Достопочтимый Гегелох, ты что-то хотел? – поинтересовался лысый воин.

– Леонид, кто это? Ты не говорил, что у тебя среди учеников есть столь занятное.

– Я сын правителя Мервана, вчера прибыл в Эги, – Яська с таким же нескрываемым интересом разглядывал этого благородного человека.

– Мальчик, что ты ещё можешь? – глаза пронизывали мальчишку до самого нутра, прощупывая и уточняя глубину исходящей силы и её направления. Яська не любил такие вторжения и холодным щитом выставил блок. Мужчина поднял бровь, будучи отброшен из изучаемого объекта

– Неплохо, мальчик...

– Я умею всё, что положено для первой ступени жреца Вакха.

– Ты уже получил титул Ясона? Похвально. Я займусь твоим дальнейшим обучением. Леонид, я передам тебе список необходимых навыков, что ты вдолбишь в этот сырец, а жреческое обучение дальше будешь проходить у меня, пока не созреешь до обучения в храме.

Мужчина удалился. Леонид по-военному, кивком головы, проводил его.

– Это верховный иера Гегелох, тебе повезло, что он берёт тебя в ученики. Вместе с Павкой вечером отправишься к нему. Занятия индивидуальные и ежедневные. Три раза в месяц, занятия общие по возрастным группам.

Ясон немного опешил, даже внутренне взвыл..., вот так, сразу, не успел приехать, как его в оборот взяли... Да уж, тут все по серьёзному.... Это дома такой строгости не было, хотя требования тоже большие были, но как-то веселее, с шутками, прибаутками, свободным посещением занятий. Дома он мог позволить себе не явиться к учителю, если, к примеру, был интересный день, и небо при закате было огненным, и в нём парила орлица, принимая бой с налетевшим врагом. А на гнезде сидел орёл, защищая потомство. Дома он мог любоваться горами, бегом огненных всполохов по небу, рассматривать воздушный бой...

И всем было понятно, что ради такого можно пропустить занятие. Московский учитель, считал, что данное созерцание являлось одним из элементов обучения. Тут же чувствовалась всё пронизывающая военная дисциплина, что настораживало. Может ему остаться бесплатным приложением к барсам, но не загробить свою молодую жизнь непосильной муштрой?

– Эй, Фифа, поменяйтесь с Илькой – распорядился Леонид, продолжая наблюдать за учениками. Парень, перетаскавший валуны, беспрекословно пошёл к груше и начал там бинтовать руки, чтобы отрабатывать удар. Фифа же, не снимая намотки, стал перетаскивать глыбы в обратном направлении. Яське стало совсем кисло. Внезапно он почувствовал, что кто-то дёрнул его за косичку, резко обернулся, нанося удар. Довольную физиономию Кузьки освятила ехидная улыбочка. Ожидая кулака, он присел, а теперь светился из-за своей находчивости. Была бы рядом Данка, она уже повисла на руке рыжего иллирийца, но её пришлось оставить в раздевалке.

Леонид хмыкнул, дал Кузьке подзатыльник.

– Давай к шестам. Эй, Павка, поди сюда, спарринг с новеньким, – Тренер быстро управлялся с ребятами, и те слушались.

Ясон проводил покрытую синяками и ссадинами спину Кузьки взглядом, хорошо видать, как мальчишка в Митиленах оторвался, не зря Тилк за руку его водил.

Задумчиво подошёл стриженный Павка, начиная издали изучать противника. По знаку Леонида они сцепились. Это была битва двух гибких кошек. Павка уходил от удара, словно предчувствуя его, но и его выпады натывались на глухой блок. Если Ясон работал в технике барса, многое почерпнув от Данки, остальное от учителей, таких же “барсов”, то броски Павки напоминали шипящую змею, с одной стороны, прямые и резкие, с другой, выжидающие. К Леониду подошёл ещё один тренер, и они, тихо переговариваясь, наблюдали за поединком. Внезапно тренер заметил, что воспитанники тоже заинтересовались данной борьбой.

– Вам что, театр тут? Работаем, работаем – окликнул любопытных мальчишек лысый воин. – Вы, актёры, с вами всё ясно, разоидитесь отдыхайте.

Вскоре их распустили, и, ополоснувшись, соскребя с себя песок палестра, Яська вошёл в раздевалку, где его ждала соскучившаяся Данка. Кошка состроила умильную рожицу: наконец-то ты появился, потом фыркнула и отвернулась – обиделась на долгое ожидание.

Яська рванул к своей вредной красавице, но подставленная подножка заставила его прыгать козлом. Развернувшись и увидев довольную физиономию Кузьки, моск с кулаками набросился на рыжего. Другие мальчишки, уже набившиеся в раздевалку, с интересом наблюдали. Последним влетел Фифа и перекрыл дверь, чтобы больше никто не входил, и так, как ягод в кузовочке набито, для драки места осталось мало. Ясон старался бить рыжего по ногам и заставлял быстро перемещаться. Кузька, верткий и сильный, предпочитал ближний бой. Данка, видя, что опять напали на её мелкого хозяина, набросилась иллирийцу на хребет, грациозно обойдя его с тыла. Вскоре мальчишки уже возились на полу.

– Всё, хары, – Подал голос Илька, с интересом рассматривавший эту драку, прислонившись к стене. Фифа помог подняться Кузьке, Павка – Ясону. И все быстро столпились вокруг рыжего. Павка руками пробежал по исцарапанной спине. Когти оставили глубокие кровоточащие раны, во все стороны располосовывая кожу. Шея тоже была прокушена, на этот раз Яськой.

– Хорошо тебя кошка украсила, – восхищённо поцокал Павка.

– Не кошка, а Данка! – Яська всё ещё был взбешён. – Ты чего ко мне прицепился?

Кузька хитро окинул его взглядом, лёгким движением рук разогнал мальчишек, и... разошёлся на полу.

– Лечи теперь...

Ясон даже поперхнулся от такой наглости. Они что, издеваются!?

– Не буду. Сам полез.

– Да ладно, не жмись..., – к разлётшемуся иллирийцу на корточках подсел Илья, остальные тоже в ожидании сгруппировались вокруг – Давай показывай, как ты это делаешь.

Яська понял, что весь бой затевался ради этого представления, интересно им, видите ли. Данка, крутя длинным хвостом, подошла к нему и ткнула в ноги. Потом покосилась на лежащего парня, из ран которого сочилась кровь... и фыркнула. Всё это в полной тишине, все напряжённо ждали, как поведёт себя моск. Кошачье фыркание прозвучало укоризненно, что Ясон не выдержал.

– Вороны с вами, показываю, – он присел к Кузьке, достал подаренный новый нож из своих вещей.

Сначала он потёр руки, пока не почувствовал идущие в них токи, от чего начало покалывать пальцы, а потом правой рукой стал снимать черноту, переводя его на лезвие ножа. Нож, удивительно хороший, явно в него при ковке были добавлены заговоры, впитывал в себя словно морская губка всё, что умелые руки на него вешали. Зеленоватый лечебный свет слабым колыханием выходил из его руки. Вот поползли и виноградные лозы, опутывая окровавленное тело. Гораздо сложнее было с застарелыми гематомами, но и они рассасывались под силой Вакха. Лежащий Кузька чуть ли не мурлыкал под руками юного иеры. Между делом его рука с шаловливыми пальчиками ползла к лапе Данки. Кошка с интересом наблюдала и даже понюхала.

– Не балуй, – Яська шлёпнул парня по рыжей голове, словно свою питомицу. Тот притих. Мальчишки прыснули.

– Не мешай работать иере... – поощрил Илья.

Когда драчливые мальчишки пошли очередной раз ополаскиваться, спина Кузьки была чистой, лишённой не только следов от когтей Данки, но и каких-либо синяков.

– Слушай, Ясь, у тебя у самого синяк под глазом и губа рассечена, – остановил Илья юного жреца. – Себя залатай...

Яська даже не заметил, что в драке ему досталось. Он ощупал своё лицо... Всё было гораздо хуже, через полчаса глаз просто заплывёт, а губы станут похожими на блин.

– Себя не могу... Я своей энергией работаю. Свои силы отдаю, а на себя... Они же всё равно мои. Тут их перераспределять надо, а это пока не умею...

– Фифа, всё запомнил, – русоволосый парень бросил взгляд на родича.

– Учту..., – буркнул тот.

Павка притащил медяшки, которые наложили на Яськино лицо.

– Ты это... извини... Я не знал, что себя лечить не умеешь – смутился Кузька, помогая Яське одеться, чтобы медь с лица не упала. Моск понял, предстоит ещё драка с Фифой. Ему даже смешно стало, очередь устроили, побей Яську и получи лечение как награду. На вшивость проверяют, да и просто развлекаются.

Потом они с Данкой шли за русоволосым мальчишкой к нему на обед. Илья в обход повёл через рощу, чтобы у входа не попасться на глаза ахеменидам. Они вышли на центральную мощёную улицу, ведущую от административного центра к зелёной зоне храма. Мощёная дорога была посередине разделена ухоженными конусообразно остриженными деревьями. С одной стороны, от дороги шла живая изгородь из кустов, с другой росли лиловофиолетовые цветы. За кустами в роще стояли двух-трёхэтажные многоквартирные дома, крашенные в жёлтый или бирюзовый цвет. Дома были украшены балюстрадой из колонночек и балкончиков. В одном из таких домов четыре квартиры снимали Ясоновы барсы. Сам он расположился в двухкомнатной квартире вместе с одним из молодых воинов.

Дорога вела к холму, возвышающемуся над петлёй реки. Пологим был только вход на холм, где стоял храм, а со всех сторон храм окружали обрывы. Вся зона погружена в священную рощу, скрывающую под своим пологом родовые дома знати. К одному из берегов реки от центральной мощёной дорожки тянулась песчаная, на которой разговаривали трое мужчин.

Илька приветливо помахал им, они тоже кивнули мальчишке в ответ. Ребята свернули на противоположную дорожку, тоже мощёную, обрамлённую маленьким бордюром. От неё отходила своя песчаная дорога к реке, вдоль которой тянулись огороды с созревшими и готовыми сорваться с грядок, если хозяева не поторопятся, дарами земли. Храм монументом возвышался над зеленью. Его портик из белых колон нес массивную крышу, украшенную белым барельефом, выступающим на небесно-голубом фоне. Двустворчатые двери были призывно открыты. Но храм остался позади, а мальчишек встретил шелест листвы и пение птиц. Они оказались словно в светлом лесу, наполненном жизнью. Птицы просто заливались. Солнечные лучи, проходя сквозь листву, рассыпью струились по дороге и лицам мальчишек, игриво зазывая их в волшебном воображении леса. Свежий ветер теребил волосы и наполнял каким-то дерзким весельем. То и дело от дороги отделялись маленькие мощёные тропы, и рядом с ними возникал дом, спрятавшийся и не видимый до этого в листве. К одному из таких домов свернул Илька. Как и все стоящие здесь дома правящих семей, это был дом с мезонином. Чистенький, такой весь, радостный домик, украшенный полукруглым крылечком, с белыми деревянными колонночками.

За столом их уже ждали. Аминтор сидел во главе стола, напротив восседал Филипп. Рядом с отцом поспешно юркнул Илька. Две его старшие сестры сидели по другую сторону и с интересом взирали на пришедшего гостя, ещё и с барсикой. Девчонки были в общем красивые, но куда грубее брата. Да, девкой Илька был бы краше. У дверей Аминтора очередь из поклонников не уменьшалась...

Рядом с Филиппом сидел его сын Сурик. Ясон усмехнулся, садясь на свободное место рядом с Илькой: здесь за столом не лежат, а он слышал, все эллины едят лёжа. Видимо, это о философах, которых из иер выгнали, и они вместо еды своё горе вином запивают и лежат потому, что встать уже не могут. Вот так заканчивают жизнь неудавшиеся иеры, у кого или таланта не хватило, или денег. Всё же философия требует жертв в виде возлияния, не зря же неудавшиеся жрецы идут в философы. Слово и горе лечит, и закуской обеспечивает.

Немного прихрамывая, появился бывший педагог самого Аминтора.

– Ну, все собрались, или ещё кого ждать будем? – сварливо поинтересовался он. – Тор, вы сегодня есть будите, или просто так за столом посидите?

Не нуди старый, давай, неси, – улыбнулся хозяин дома зануде, своему ровеснику.

– То неси, то подожди, что я зря готовил? – прихрамывая, ворчун пошёл на кухню, – я готовил, старался, а они есть не хотят. Словно я не человек, словно мой труд не уважаем.

Гоняют как мальчишку...

Из кухни выскочил Леапп и быстро стал расставлять посуду, сервировать стол. Посреди стола возникла большая миска с нечто зелёным. Всем раздали похлёбку. Аминтор с довольным видом положил этого зелёного нечто прямо в своё дымящееся блюдо. Его дочери скривились, когда отец начал с удовольствием это потреблять.

– Ясь, ты не стесняйся, клади. – Илька большой серебряной ложкой зачерпнул этого месиво...

Ясон посмотрел и понюхал похлёбку: свекла, мелкая цветная капуста, лук колечками, фасоль..., всё вроде съедобно.

– Откуда это ты такой красивый, – Аминтор разглядывал гостя, Филипп хихикал в бороду. – Опять подрались? Иль!

– Атта, склалось так, – мальчишка за разговором старательно накладывал моску в похлёбку зелёную мешанину. Яська поводил носом, трава какая-то, не шпинат, не то что давали у них... Вот название забыл, от золотухи вроде.

– Иль, – Аминтор окликнул сына, – не увлекайся. Ты Сурику клади, сёстрам, себе.

– Ой... – Илька хитро перемигнулся с сёстрами, – Тут почти кончилось.

Яська понял, ради этого и позвали, чтобы он съел всю эту безвкусную траву. Илья его просто развёл, как мальчишку сопливого. Просто вёл за ручку к этой ждущей его зелени. Остатки Филипп наложил себе на лепёшку, а остальное переключало в миску Сурика. Сёстры вздохнули с облегчением.

– А можно я это есть не буду? – жалостливое лицо хрупкого мальчишки повернулось к отцу. Его светлые брови стали домиком, а голубые глаза стали влажные и молящие.

Ешь, это полезно. – хором строго проговорили дети Аминтора. Сам хозяин, хмыкнув в бороду, потреблял своё месиво.

– Видишь, говорят полезно, – хихикнул Филипп и обернулся к девчонкам, вцепившись зубами в свою лепёшку с зелёной массой. – Вы зря не едите. Эту травку и с мёдом... Кожа будет нежная, чистая, без прыщей, как у Ильки...

Русоволосый мальчишка брезгливо выронил миску. Филипп от смеха даже поперхнулся, и Сурику пришлось стучать отца по спине. Аминтор, хмыкая, доедал свою похлёбку. Басилевс оказался очень смешливым, чего Ясон не ожидал. Потом подали всем по большому куску варёного мяса и расставили разные соусы.

– Новую партию лошадей Парм привёз с севера, – отсмеявшись Филипп заговорил о деле.

– Так что принимай.

– Ты их уже осмотрел?

– Ну пока вы в Митилленах были, я тут тоже задницу не отсиживал, – басилевс толстым слоем намазал соусом мясо. – Лошади крупные, копыта ровные большие. Хороши для охоты. Алесь сегодня опробовал, остался доволен.

– Ладно, людей будем подбирать, – Аминтор налил себе морса, – ты сразу же их в горы уводи, от глаз подальше.

– А на лошадей глянуть можно? – сам себе удивился Яська, влезая в разговор старших. Филипп просверлил его оценивающим взглядом, но, видимо, ничего не нашёл, пожал плечами, мол, брат решает.

– Отчего нельзя, – тёплый баритон Аминтора обволакивал, – очень даже можно. Сходи посмотри, пока на другое пастбище в горы не отогнали. Кстати, – Аминтор поднял глаза на брата, – Что у нас с фессалийцами, ты с этими кентаврами недобитыми договорился?

– Выжидаю..., – Филипп усмехнулся. – Спешить с ними нельзя, гонору много, пусть сами придут. Надо там слушок пустить, каких мы лошадей раздобыли, но так, чтобы ни лаконцы, ни пирейцы не прознали. Эти кентавры своих доходят быстро на наших променяют.

Папочка, у меня тоже Букефал фессалийский, а он хороший конь..., – Сурик попытался заступиться за своего любимца.

– Хороший-то хороший, но для скачек. В кавалерии ему делать нечего, – Филипп сверкнул на сына глазами, мол, молчал бы лучше, за умного бы сошёл. – В этом году последний раз в скачках участвовать будете. Подрастёшь, в весе прибавишь и всё – дисквалификация.

– Может, обойдётся..., – Сурик, вздохнув, отодвинул от себя недоеденное мясо и принялся потреблять кресс-салат. – Если особо расти не буду...

Басилевс передёрнулся и отвернулся.

Ясон отметил, что мальчишка находится в идеальной форме для наездника, лёгкий, сильный, компактный... Вот тому же Ильке ещё чуток подрасти и только хребты скаковым ломать.

– Все поели, – прихрамывая вошёл раб, заметив Сурика, вдохновенно поедающего зелень, фыркнул, отобрал у него. – Козлом станешь от травы, мясо доедай. Вот видишь, Тор хорошо кушал, поэтому такой румяный, красивый и большой у меня вырос. И вас выращу большими и красивыми. Ты кушай. А вы все давайте, стол освобождайте, мне ещё вещи чинить и на огород идти. То они есть не хотят, то за столом о делах судачат.

– Сурика к Деду отведи, – велел сыну Аминтор, а оттуда можешь уже к Кузьке бежать

Мальчишки выскочили из-за стола, девчонки ещё раньше вылетели из дома и разбежались по своим делам.

– Тор, при новеньком о делах секретных стоило ли? – Яська услышал тихий голос басылевса за дверью, уши сами собой насторожились, желая дослышать.

– Его Илька привёл, я сыну доверяю. Он лучше тебя или меня в людях разбирается, ты же знаешь, он чувства, эмоции слышит. Его не обманешь. Если привёл – значит свой. Эх, брат, мальчишкам больше доверяй. Помнишь, как нам отец доверял...

Ясон призадумался, вот она, новая грань Ильки, значит этот бугайчик чувствует людей, всё то, что у них на сердце, когда им грустно и когда хорошо, когда что-то скрывают... Он видит людей не такими, какими они показываются миру, какими они хотят, чтобы их воспринимали, а истинных, настоящих. Понятно, почему для ребят так весомо его слово.

Сбегав с Илькой к Деду, которым оказался отец Фифы, и получив там пирожки, испеченные Бабушкой, они мотнулись к Кузьке. Там он встретил Павку и уже оттуда пошёл на первое занятие у Гегелоха. Но это уже всё было как во сне.

Когда началось смеркаться, Яська не заметил, куда исчез Павка, да и остальные ребята явно тайком улизнули к своей тайне. Яське уже не до чего не было дела. Он смертельно вымотался за весь день, у него просто не осталось сил...

Добравшись до своей квартиры, Ясон рухнул на кровать и, полностью выжитый, провалился в сон. Слишком много было впечатлений за весь день.

2 глава

Эги. 344. Г. до н.э. От Данаи.

Даная поставила тесто. К вечеру она собиралась зайти к брату, занести выпечку ему и его детям, так что печь она сегодня будет много и на свой дом, и брату. Его новая женщина, ну та, с которой он сейчас живёт, доверия Данае не внушала. Ладная, резвая, молодая, бойкая, но вот в хозяйстве – руки у неё не из того места растут. Да и Пармений, несмотря на то, что уже сына прижил, что-то жениться на ней не собирается, даже договора о наложничестве не оформил. Что за мода у мужиков нынче пошла, кроме армии ничего ни видеть, ни слышать не хотят. А вот они с мужем – счастливы, скоро уже внучек замуж выдавать будут.

Опара уже подошла, женщина подсыпала муки. Прибежал её младший, притащил воды, перелил в бронзовое ведро с рельефом по кромке. Надо ещё пару закупить и расставить по дому, чтобы пользоваться удобно было. Мальчишка попытался отщипнуть сырого теста и запихнуть в рот, за что получил тумака от матери.

– Фифа, голодный, что ли?! Скоро есть будем... Вон хлеб и сыр, – И как к сыну прицепилась это дурацкое прозвище, впрочем, хорошо его характеризующее? Даже дома вместо Аякса этой смешной кличкой зовут. Она придирчиво осмотрела одежду сына, как всегда – весь в земле и её разновидностях. И при этом его манеры, Фифа он и есть Фифа... Мальчишка, несмотря на материнские просьбы, носит всё время не маркое, чтобы грязь не видна была, и вечно то в селитре, то в сере. Вот ещё новое нефтяное пятно, его точно не отстирать. Даная вздохнула: «Иди отсюда, иди, не разводи мне тут грязь».

Если Фифа проголодался, значит и остальные голодные. Что же, пора завтракать, выпечка будет только к вечеру, что-то тесто плохо подходит. Она распорядилась домашним девкам заняться кухней и начать накрывать на стол.

Старшего сына с женой, не было, к родителям они заглядывают только на обед. Живут уже отдельно, снимая квартиру в доходном доме, пока своего нет, сын не так давно закончил обучение и вернулся уже с женой и ребёнком, которых, естественно, приняли. При окончании он получил титул Аминандр – Добрый человек. Её это тогда позабавило, ведь у мужа, как додонского жреца, титул был Андромен – ЧЕЛОВЕК, причём именно так, человек с большой буквы. А дома сына теперь просто Аминтой зовут, забыв его прежнее, данное при рождении имя. Так же, как и зятя Аминтора, кличут просто Тором – ковалем, хотя он сейчас редко

появляется в их доме. Полученное звание александроса постоянно заставляет находиться при армии, а когда он заглядывает в Эги, то сидит со своим братом Филиппом, постоянно обсуждая ту же армию. Тогда даже внуков не увидишь за столом. Даная вздохнула. После смерти дочери Аминтор замкнулся в себе, домашние дела пустил на самотёк, теперь дом больше похож на казарму, ничего лишнего, всё крайне аскетично, самому ему ничего не надо, и детей так же держит, или скинет их в дом тестя, а сам проводит время в походе. Даже сейчас, когда прошло время, и рана затянулась, и на душе успокоилось, он отказывается завести новую жену. Хотя жених завидный, александрос, брат базилиуса... Так ещё и красив, и совсем ещё не стар, сорок пять, разве возраст для мужчины? Ан нет, жениться не хочет, уж сколько Даная его уговаривала, сколько объясняла, что мужчине необходима женщина, что и в хозяйстве поможет, и с детьми, и ласка... – так упёрся упрямец. На детей своих надышаться не может, девчонки уже взрослые, а он их малютками видит, покачать, побаюкать, над сыном вообще трясется... Зато, когда его нет, внуки живут у деда с бабкой. Илья с Фифой вообще, как родные братья выросли. Она их даже в колыбели вместе качала и соплю вытирала...

Кока с Фифой уже сидели за столом. Кока уже совсем взрослый, семнадцать лет, служит в эфебии, скоро пора отправлять на обучение, только надо выбрать куда, в какой храм, где его способности оценят. На эту тему они с мужем постоянно спорят. Сын, как и его отец, слышит природу – землю, воду, так ещё и даром пророчества обладает, вот муж и хочет его вместо себя на жреца Додоны учить отправить. Хотя мальчишка совсем лечить не может, а силл, жрец Лодоны, это делать обязан. Даная же хотела видеть сына иерой Деметры, хотя и сама училась среди силлов, там они с мужем и познакомились и полюбились.

Даная поставила горячее седло козы, каждому по миске каши, самое лучшее для начала дня. Ещё кувшин молока. Прибежавшие дочери тоже подсади к столу. Надо бы ещё мужа отловить накормить.

– Давайте быстренько, Кока, опоздаешь, в казарму переселишься. Отец уже жаловался на твою нерасторопность – Даная села напротив детей.

– Да, мам, уже бегу... – Кока отрезал себе и брату козлятины, пододвинул сёстрам миску, пусть сами разбираются. – Фифа, я чувствую, что тебе оттуда быстро ноги делать надо будет. Знаешь за лаконским домом два дуба, вот за них нырни и через лес уходи...

– Чего, видение было? – Фифа хихикнул.

– Слушай старших, – Кока стукнул брата в лоб, запил съеденное молоком, – Всё, ушёл... Подхватив меч, поданный рабом, чмокнув мать в лоб, убежал.

– Что ты затеваешь? – мать строго смотрела на младшего. Мальчишка заелозил на месте.

– Не, мам, ничего, я не знаю, о чём Кока говорил, у него опять – видения... – Фифа изящно рукой откинул волосы.

– Не лезь в голову жирными руками, обрею! – мать поднялась, окинула взглядом дочерей, старательно доедавших козлика, оставляя только белые кости – Кашу доедайте.

В дверях уже стоял педагог младшего сына с письменными принадлежностями. Даная выдала ему пару лепёшек с сыром, мальчишка нервный, суетливый, к тому же растёт, питание ему усиленное надо.

Вскоре за Фифой из дома на занятия вылетели и дочери. Даная осталась хозяйничать. Она вошла в спальню, прошла по всему дому – мужа нигде не было. И куда он с утра пораньше делся? Неизвестно. Немного поразмышляв, решила пройтись до храма.

Мимо пробежал Сурик со своим другим Котиком. Мальчишки спешили, опаздывая на занятия. Их длинные волосы развевались по ветру, светлые сына Филиппа и тёмные Котика. Даная, улыбнувшись, помахала мальчишкам. Вспомнилось, как сама была молодая, как выбирала между двумя Фракийскими правителями, сватавшимися к ней. Дед Котика, Котис, правитель Одрисов, был видным мужчиной. Взрослый, красивый..., а выбрала своего однокурсника, Андромена, александроса Орестиды, и не прогадала... Даная улыбнулась, вспоминая

ласковые руки мужа. Котис уже погиб, а вот тут в Эгах его внук от дочери, хороший задорный мальчишка Котик.

Давно всё это было. Тогда отец привёл свой народ на новые территории в Иллирию. И Иллирия покорилась ему, их кельтскому оружию. Но отец погиб, и его дети не стали жить в мире. Ещё юный его племянник смог многих объединить под себя, он тогда только прошёл посвящение и получил жреческое имя Парм – Щит, и как щит Пармений сплотил вокруг себя тех, кто хотел стать сильными и самостоятельными, создать себе новую родину, он стал их непробиваемым Щитом. Именно тогда Пармений договорился с эгеским басилевсом, это ещё был отец Аминтора, Менелая, Филиппа. Пармений женился на их сестре. Данная вспомнила молодость и ей стало смешно от этих воспоминаний. Как юный шепотной Филипп подстрекал Аминтора, и они бегали следить за сестрой, как ухаживал за той её жених, Иллирийский правитель. Она сама уже была замужем за Орестидом. Орестид, озёрный край, всегда была в дружбе с эгейцами, и в Эгах имели свой родовой дом. До войны с ахеменидами это было единое государство перед самым нашествием оно раскололось, из-за этого ни одно из мелких базилий не смогло оказать сопротивление захватчикам, и они пали одно за другим. Были разгромлены базилии Пеонии, Одриссы, Орестиды, Тимфагии, Элимиоти. Видя это, эгейский басилевс сдал без боя свои земли, а александр, приверженец общеэллинской политики, и ратовавший за свободу Эллады, предупреждал эллинов о передвижении вражеских войск и их планах, так как был допущен в военный совет. Разведчик, в самой ставке ахеменидов.

Теперь они все под властью ахеменидов вплоть до Фермопил, став одной из сатрапий, самой дальней и самой дикой. Дань платили и людьми, и деньгами, но из-за отдалённости от ахеменидской столицы самих захватчиков здесь было не много. Теперь же мужчины хотят объединить все эти мелкие базилии в одну большую страну, чтобы освободиться от ига. Эгее, наименее разорённой войной, предстояло стать оплотом нового объединения, но делать это приходилось тайно, незаметно набирать силы, войска. Пока они слабы. Но они скинут ахеменидов: хитрость Филиппа, войска Пармения и Аминтора, боги Андромена – всё объединится и даст новые силы для борьбы.

А вот и муж... От берега неся с огорода тыквы, шёл её благоверный.

– Ага, вся компания здесь..., – Даная нахмурилась, с берега вместе с мужем возвращались Пармений, Филипп и Аминтор, – Только Менелая не хватает.

– Лапушка, ну не бушуй. – Муж обнял её, поцеловал в щёку. – Мы о делах, чтобы без свидетелей.

Мужчины столпились вокруг неё.

– Не сегодня – завтра афиняни приедут, вот и решаем, где встречать, здесь или в Пеллу к Менелая, – Филипп придерживал дёргающийся глаз. – Если в Пелле, то завтра выезжать.

– Не хочется их в Эги впускать, – поддержал брата Аминтор, – Тогда тебе придётся за детьми приглядывать. Эфебов с собой заберём, а остальных...

Даная нахмурилась, муж обнял её:

– Тихо Лапушка, тихо... Ночью гонец прибыл, ничего не поделаешь.

Больше десяти лет шла Священная война, которая теперь закончилась. Фокейцы, захватили земли Дельфийского храма, и развязали войну. В поддержку Дельфов вступились Тибы, со стоящим там ахеменидским гарнизоном. Именно ахеменидам было всегда выгодно сталкивать между собой полисы, чем слабее мелкие государства, тем легче ими управлять одному большому. Мелкие полисы, держащиеся за свою обособленность, которую так хорошо развивали и поощряли у них ахеменидские маги, никогда не смогут противостоять большому государству. Что сделает один маленький, пусть и гордый полис против территории, где одних только сатрапий больше тридцати. Они просто его шапками закидают. Вот так постоянно и вспыхивают междоусобные войны, а в выгоде остаются ахемениды. Фокейцев поддерживали лаконцы и часть племён Фессалии. В итоге даже эгейцы ввязались в войну.

Данная вспомнила, как мужчины носились со своими идеями, отвергая одни и разрабатывая другие, чтобы получить выгоду от этой войны. Интересы Аминтора были в Фесалии, это новые воины для его армии. Но это и новые кони для Филиппа, и ничего, что скаковые, как раз для конезаводов, скачки всегда в моде, а на них и деньги сделать можно. Филипп как скупердьяй трясётся даже над медной монеткой. Но он умён. Втёрся в доверие к Дельфам, единственному общеэллинскому банку. Из-за слабости своей базилией. Не стал ругаться с ахеменидами, заверив их в своей лояльности. Наобещал им..., только боги знают, чего Филипп только не обещал, и вот эгейский базилевс входит в военный совет Дельфов. А когда фокейцы ещё и ограбили сокровищницу центрального эллинского банка – эгейцы ввели войска. Присоединили и выгодную им горную Фессалию, напугали афинян, смели фокейцев, дошли вплоть до Фермопил, объединив территории под себя вернув Дельфам утраченное. Дельфы эгейцев тоже в своих целях использовали, все деньги от войны перешли именно в банк, но связи... У Филиппа на Дельфы далеко идущие планы.

Значит афиняне решили оформить мирный договор... Что же наши мужчины победили, молодцы конечно...

– Ладно, не первый раз... – Даная покосилась на мужа, – ты ещё не завтракал, так что домой. – Она повернулась к брату. – А к тебе я вечером зайду.

Рыжий гигант, улыбнувшись, потряс головой в знак согласия, конечно, дескать приходи, всегда рады, перечить сестре он не смел.

– А вы, два конспиратора, шли бы собирались, вместо того чтобы глаза мозолить, – Даная, вздохнув, окинула базилевса и александроса суровым взглядом. – В детстве в заговорщиков не наигрались. Всё тайком... Глаза бы вас не видели.

Отловив и накормив мужа, Даная успокоилась: утро прошло спокойно. Дворовых девок она отправила на базар, а найденного мужа чинить сарай на заднем дворе, наконец соизволивший рухнуть после утреннего ежедневного землетрясения. Строение было старое, возраста её старшей умершей дочери, и вот, наконец, его время пришло, но мальчишки любили возиться там с железками, да и грязь домой не тащили, оставляя её в сарае, так что для детей, придётся восстановить эту страшилищу.

Тесто подходило медленно, неохотно, словно просыпаясь после спячки. Тепла ему что ли не хватало. Уже осень, новый год прошёл, его весело отпраздновали, а дни всё равно стоят тёплые. Дом, правда, чуть-чуть подтапливают, дабы не отсырел. Ещё ни одной нормальной протопки не было.

Обед девки приготовили, Даная занимается только выпечкой, никого, не подпуская к любимому занятию. Александрос Орестид, Андромен, саллий Додонский, отчитался перед женой, что сарай – монстр, опять стоит, как влитой, и ушёл на совет в административное здание, всё время у него государственные дела... Даная улыбнулась, думая о муже, он с детьми математикой занимается, в связи с тем, что это дело, нужное государству. Только четверых из своих учеников он выделяет по способностям, остальные оттабабят урок и бежать – нормальные дети. А к одарённым относится Приам, старший сын Пармения от наложницы, Илька, Фифа и, как ни странно, простой мальчишка из мастеровых Пеллы.

Внезапный грохот прервал её размышление. Вроде не землетрясение, ежедневно их два бывает, перед рассветом, и после заката, так что опознавать давно научились. Выскочив на улицу, женщина увидела столб дыма и пламени, поднимающийся в стороне дипломатических домов.

– Фифа!!! – Ахнула Даная, приваливаясь спиной к стене. Сразу ноги стали ватными, сердце, как испуганный заяц, заметалось, опускаясь в желудок. Вспомнились утренние слова предсказания Коки насчёт лаконцев. Что же это Фифа ещё натворил!!! Лишь бы живой был!

И Даная побежала... на непослушных ногах, сквозь лес, по выступающим корням... Она не видела ничего, всё рвалось вперёд, только бы увидеть, что сын жив.

– Мам... – навстречу к ней из леса вышло нечто чёрное, пахнущее серой... Одежда немного дымилась, чёрная, вся рваная, стирать явно не придётся... Светлые длинные волосы, напоминающие паклю, стояли дыбом, на запачканном сажей лице выделялись белки и сверкающие глаза...

– Фифа..., – не веря себе, вздохнула женщина, и опять предательская слабость наполнила её тело. Парень поддержал мать.

– Мам, не надо, что ты...

Данная постепенно приходила в себя, и мозги её начинали лихорадочно работать. Если Фифа, что-то сделал с домом лаконцев сейчас, когда идёт подписание мирного договора, чем это обернётся...

– Что я... – женщина отстранилась и наотмашь дала сыну затрещину, и ещё... – Ты себя видел, что с тобой случилось? И что случилось вон с тем домом? – кивнула она на всё ещё видный дым.

– Ну так получилось, переложил я ... переложил... – Фифа виновато уставился в землю, – попутать я хотел... переложил...

С сыном можно и потом разобраться, подумала Даная, сейчас надо замять конфликт, который вот-вот вспыхнет, как этот дом, а что лаконцы его устроят, она не сомневалась. Видите ли, с их точки зрения, они, эгейцы, прихвостни ахеменидов, извести свободную Элладу хотят, подчинить ахеменидскому влиянию. Да, не простая будет задачка, надо мужчин предупредить, пока всё не началось, как ещё всё аукнется...

–

Иди домой, и себя в порядок приведи – женщина строго посмотрела на сына, парень вздрогнул, – Из дома ни на шаг.

Жди отца.

Фифа непривычно притихший пошёл к дому, из кустов выскочил его педагог, такой же грязный и дымящийся. Пока хозяин разбирался с матерью, он прятался, чтобы и ему не досталось, но вроде бы всё обошлось... По крайней мере он так считал, Даная покачала головой, нет, мальчики, всё только начинается. Но воспитательный момент сейчас не главное, его можно и отложить, теперь надо разгрести то, что вы натворили....

Она поправила выбившиеся, во время бега, волосы, одёрнула одежду и отправилась к серому зданию. Именно в административное здание должны будут прибежать жаловаться лаконцы.

Ага, они уже были здесь, и Филипп с Аминтором держали оборону.

– Вы могли бы поймать, того кто это сделал? – видимо, уже который раз спрашивал у светловолосых гонористых лаконцев басилевс. – Нет?

– Вы же сами ввели это в Спарте: не пойман не вор, – поддержал брата александрос. – Мы, конечно, проведём расследование, виноватый будет наказан.

– Если мы его найдём... – Филипп нервно барабанил пальцами по подлокотнику трона.

Вздыхнув и напустив на себя несколько придурковатый вид, лаконцы женщин не особо уважают, особенно чужих, Даная вошла в зал. Упёрла руки в боки и по-хозяйски, как бабка с базара, при всех заорала на мужа, находившегося на совещании.

– Ты сарай ставил! Так он упал! Вот иди и ремонтируй его!

Александрос Орестид опешил, такой жену он видел раза два в жизни. Первый, когда она врала жрецам Зевса Додоны, прикрывая их, ещё совсем молодых, когда они обрушили жреческую священную пещеру. Второй раз, когда в Пеллу впервые приехали афиняни, и Демосфен права начал качать.

Лаконцы захихикали, вид глупой бабы в этом варварском месте вполне отвечал их представлению об эгейцах. Что с такой дуры, хоть и красивой, возьмёшь, только детей рожать и умеет. Врывается как к себе на кухню, врывается, в мужские разговоры лезет. Кто-то даже помужски посочувствовал её мужу, надо же такую стерву дома иметь.

– А вы что тут двое расселись, – глупая баба заорала на базилевса и его брата. – Вы ему советовали, как сарай ставить! Мне там всех перепелов передавило...

Филипп прыснул в кулак, в домах отродясь птицу не держали, на базаре покупали.

базилевс у них на отсутствие соображаловки отродясь не жаловался, тут же понял, что спектакль неспроста перед зрителями устроили.

– Сейчас всё уладим и вернёмся к вопросу, – успокоил он лаконцев, дескать, вы же видите, женщина не в себе, ещё покусает...

Лаконцы уже не скрываясь хихикали. Лучшая защита – это нападение. Даная как дочь, сестра и жена правителей это знала. Она перевела свой взгляд на пострадавших лаконцев, выбрала того, кто потише и не блещет умом, вспомнила весь простонародный диалект..., и понеслось.

– А ты, милоч... – Даная видя благодарную аудиторию, вошла в раж, – Уж не ты ли мой сарай подтолкнул, больно вид у тебя хитрый, и, кажись, твои сапоги мелькали в кустах, когда сарай на перепелов падал. Ой и кричали они бедные, ой и кричали...

– Очнись, мать, показалось тебе, – хмыкнул лаконец.

– Ах показалось! Меня чуть бревном не зашибло! Или ты считаешь, мой муж строить не умеет?!! Сарай сам упал! Так это ты ему помог! Я перед богами присягну, что такой как ты толкнул стеночку!!

– Видать, бревном её всё же задело, – тихо проговорил лаконец на косые взгляды своих, и отворачиваясь от столь вздорной бабы. Смеяться лаконцы перестали.

Муж подхватил Данаю под белые ручки, она вырывалась и огрызалась лаконцам. Войдя в роль, Филиппу пришлось помогать уводить разбушевавшуюся женщину, оставив брата с жалобщиками.

– Лапушка, Лапушка, успокойся..., – непрестанно твердил сконфуженный муж.

Отойдя от зала, Даная переменялась.

– Фифа их дом поджёг, – тихо шепнула она, мужчины резко взгрустнули, теперь придётся не только отбрёхиваться, но и дело на тормозах спускать, а они ещё за счёт лаконцев поживиться хотели. И тут она опять заверещала, так, чтоб в зале слышно было – Сарай мой, сарай!!!! Этот ворог его сломал!!

– Пойду с ними разбираться, – страдальчески возвёл глаза к небу Филипп. – Они не видели кто... Сейчас в связи с твоим столь громким приходом их напою в качестве успокоительного. А там, дадут боги, уболтаю. Только это... сарайчик твой придётся того...

– Да сделаю, – усмехнулся александрос Орестиды. – пошли Лапушка, посмотрим, что у них горит, а потом будем с Фифой разбираться.

Лаконцы арендовали целый двухэтажный дом с колоннадой. Пожар уже был потушен, следы разрушения были хорошо видны, они в развалинах покоились на земле, и явно крыло дома обрушил не пожар...

– Всё-таки взорвал, – хмыкнул муж обращаясь к Данае, – что он сказал?

– Что переложил, – женщина рассматривала полученную домом травму. Сейчас так же они изуродуют свой жуткий сарай. Хорошо хоть сын не погиб. Муж выписал из Самофракии учителя из младших иер, и вот до чего это довело. Надо гнать этого недоучку, именно он пристрастил Фифу к пиромании.

Они с мужем стояли за деревьями, чтобы лаконцы их не заметили. Деревья для додонских жрецов второй дом, родная стихия, каждый листик, каждая веточка – всегда помогут, подскажут, всегда спрячут. Муж встряхнул волосами, сосредоточился, перебирая в пальцах тонкие ветки рядом растущего кустарника, его взгляд стал отстранённым, а глаза совсем чёрными. Данная прижалась к дереву, почти слившись с ним, чтобы не мешать его работе, и не дать никому помешать. Андромен, он же александрос Орестиды, передавал картинку разрушения лаконского дома базилиевсу. Филипп хитрый, умный, осторожный, он найдёт, как воспользоваться информацией. Муж протряс головой, разрывая контакт, и они удалились, оставаясь так же незамеченными. Пирогии!!!! Данная вспомнила о тесте, осаждали ли его, или оно уже вылезло из кадушки... Всё сегодня из-за Фифы наперекосяк.

Как ни странно, в доме нашёлся кто-то умный, кто осадил живую массу теста, и пока муж порол сына, Даная занялась витушками. Была слабая надежда, что и педагогу перепадёт. Этот хитрый деревенский парень из Пеонии, проданный родителями из-за нищеты, слишком дорожил своей шкурой и всегда уходил от наказания. Но именно аристократия всегда порола своих детей, как сидоровых коз, у деревенских жителей это было не в ходу. Хорошо бы ещё

этого самофракийского иеру выпороть, который сына всей этой дури научил. И как ещё он жив остался...

К обеду в дом начали собираться. Накрывая большой стол, Даная кинула взгляд на обломки многострадального сарая, подкрашенные мужем огнём для большего сходства и удобренных перепелиными перьями из Фифиной подушки. Пусть теперь так спит. Рядом она заметила несколько шмыгающих лаконцев, пришли удостовериться... Сухенькие, поджарые лаконцы резко выделяются на фоне рослых местных жителей, так что перепутать невозможно.

Понаблюдав хихикая за ними, из узких окон столовой, Даная наконец занялась подготовкой стола к обеду. Отделанная дубом столовая начала нагреваться от печного жара, проведённого под сидениями. Домовые люди начали накрывать стол. Женщина проверила чистоту лестницы ведущей на подиум столовой. Под подиумом уже равномерно расходилось тепло. В центре подиума столовой начинался амфитеатр в одну скамью, спускающийся к монументальному столу. Благодаря такой планировке, вокруг стола образовалось овальное пространство, отделанное дубом. Войдя в столовую, по лестнице на подиум, все мыли ноги и, готовые к трапезе, спускались к столу. Вообще, по отделанному разными породами дерева дому было очень приятно ходить босиком. При тепле и прогретых трубах, печным отоплением, запахи древесины смешивались и действовали успокаивающе и расслабляюще. Казалось, что находишься в волшебном солнечном лесу, наполненном светом, запахами и вкусом друидического мира. Тепло отполированного дерева обволакивало, не тронутые и не повреждённые фактуры деревьев, только выделенные человеком, создавали ощущение надёжной защищённости родного гостеприимного дома, наполненного любовью не только человеческой, но и природной.

На обед семья стала стекаться в столовую. Аминтор, занятый делами, прислал детей, чтобы не остались голодными. За руку с Илькой пришёл и худенький Сурик, сын Филиппа. Кормишь его, кормишь, а он от всего отказывается: вдолбил себе оставаться в одном весе, ещё и взвешивается по три раза на день, сидит на диете, чтобы участвовать в скачках, ходит голодный, как козёл траву жуёт. Данная неодобрительно покачала головой, стараясь положить мальчишке хоть какого-нибудь мяса, кроме чисто растительной пищи, что он себе набросал. Сделав бровки домиком, Сурик умоляюще посмотрел на неё, и шмыгнул носом, а глаза голодные – голодные.

– Всё, хватит! – Даная ударила по столу рукой, – Калка, налей ему похлёбки и мяса кинь побольше, и если не съест, я сама его выпорю.

Фифа захихикал. Он сидел очень аккуратно, не откидываясь на большую спину. Вот кого пори не пори, всё как с гуся вода... Ну что за парень. Старшие у неё поспокойнее, а что Фифа, что Илька, да и вообще вся их компания..., выпороли, одёрнулись и дальше побежали, как ничего и не было. А Илька и того хуже, если будет считать, что делал всё правильно, несмотря на наказание, продолжит и переубедить его, доказать, что не прав, уж очень сложно, настолько упёртый, взял в себя упрямство у матери покойной и отца и развил... Старшие были значительно спокойнее, хотя, если Кока уж что и вытворял, то хоть стой, хоть падай... Когда он тайком на корабль пробрался, хотел моряком стать и уплыл, она чуть не рехнулась. Все Эги на ноги поставили, ребёнка искали. Муж тогда саллиев организовал, иер додонских, его искать. Иеры выпустили зов деревьев, чтобы даже щепочка отозвалась, если сын к ней прикоснётся. Деревяшка-то везде есть, не мог он в быту с ней не столкнуться. Как от поискового заклинания заголосила плывущая бирма, на которой он был, корабль же деревянный, жрецам удалось её вернуть. Команда тогда радостная этому была. Вон, брат Пармений, всех своих парней порет скопом, не разбираясь в их шалостях, кто прав, кто виноват, они просто после наказания все веселятся. И куда это молодёжь катится...

Данная потянулась налить себе сока из изящного серебряного кувшина с крышкой, стоящего около мальчишек. Культурой и воспитанием они прям блистали. Илька, расставя локти,

жадно, с удовольствием потреблял похлёбку. Да, внук отличался высокой внутренней культурой, только скрытой очень глубоко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.